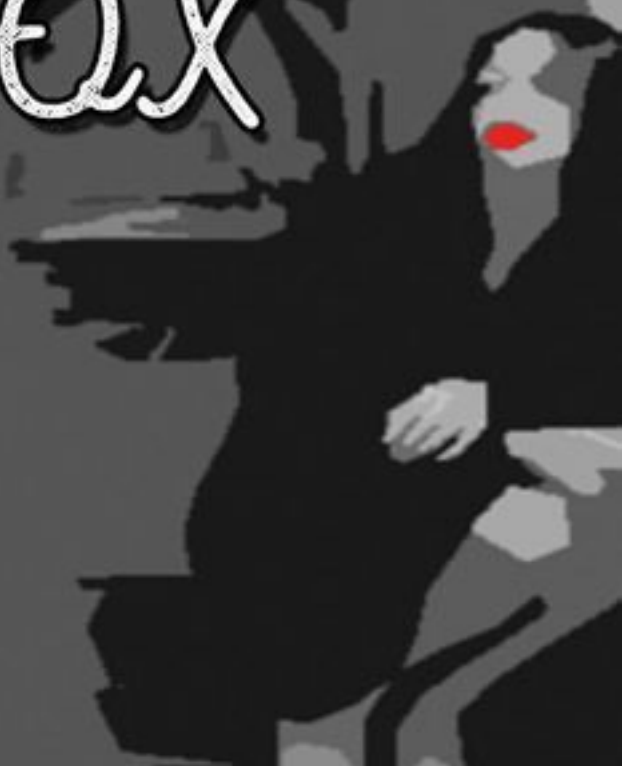

Лёва
Воробейчик

КЛУБ
ДОСТОПОЧТЕННЫХ
ШЛЯХ

Лева Воробейчик

Клуб достопочтенных шлюх

«Издательские решения»

2015

Воробейчик Л.

Клуб достойных шлюх / Л. Воробейчик — «Издательские решения», 2015

Когда ты — шлюха, сбежавшая из родного дома, когда твое молодое тело — единственное, что ты можешь противопоставить целому миру, когда твою невинную некогда душу неотвратно пожирает разврат, а разум — безумие, ищи клуб достойных шлюх. Помни, только так ты сможешь спастись, став живой легендой, иконой самого таинственного и могущественного клуба в истории всего человечества.

© Воробейчик Л., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Аннета Боунс	6
1	6
2	8
3	11
4	15
5	19
Митчфилд	22
1	22
2	25
3	29
4	32
Предприниматель	35
1	35
2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Клуб достопочтенных шлюх

Лёва Воробейчик

© Лёва Воробейчик, 2015

© Павел Сергеевич Калюжин, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Аннета Боунс

1

Аннета замерзла, проголодалась и устала, что, впрочем, никак не мешало ей быть счастливой. Патрик звонил ей вчера – клялся и божился, что никогда и ни с кем ему не было так хорошо, как с ней. Внезапный приступ его нежности был лавиной, что накрыла ее горный хребет – потому как молодой и усатый Патрик был молчаливым и застенчивым, но видит Бог, обнаженным порой он удивлял ее, даже несмотря на предыдущие (и вероятно последующие) позиции Списка. Она даже кротко улыбалась своей знаменитой в определенных кругах полуулыбкой, отводя глаза в сторону и думая о нем – а с ней это в последнее время случалось нечасто.

Список пополнялся довольно часто – и Аннета почти даже гордилась этим. Если бы у нее были подруги в Спрингтауне, то с огромным удовольствием бы она рассказывала им про очередного парня, купившегося на ее очарование и шарм – разумеется, умолчав о масштабах; они бы смеялись над этим вместе, попивая кофе или наполненные лихим градусом фужеры; но нет. Не бывает подруг у шлюх – даже у тех, кто себя таковой не считает. Уж в чем – в чем, а в этом она убедилась за последние годы сполна.

Патрик был последним, но далеко не первым – о первом уже Аннета и думать забыла. Тот парень, кажется, Мик, был только что вернувшимся с войны/тюрьмы/монастыря парнем, давненько не видевшим женщин. Любое тело с отсутствием мужских половых признаков возбуждало в нем если и не желание, то жгучее любопытство, подкрепленное изрядной долей алкоголя и тестостерона. А уж Аннета... молодая еще в то время девушка с изящной талией и грациозной походкой, которая в свои шестнадцать лет сводила с ума чуть ли не каждого! Уж конечно, он запал на нее так скоро, как увидел. А она даже почти не сопротивлялась, сдобренная львиной долей спиртного.

В тот вечер были вечеринка у общих знакомых, коктейльное платье, короткие уговоры и наслаждение в стиле любовной пасторали, пошлой и неземной одновременно. Правда тот парень, Мик, в порыве страсти хватал ее за горло слишком сильно, сжимал ей грудь слишком больно, плевал на нее очень уж красноречиво; отчего она, наверное, расстроилась не так сильно, когда на следующий день он не позвонил. Убивалась, верно; но не расстроилась. Он не позвонил и через день, и через неделю – и красное пятно, растекшееся на зеленой простыне одной из их знакомых осталось просто красным пятном, о которым через годы вспоминаешь с улыбкой. Или, как в случае с Аннетой – с некоей сладкой болью.

– Холодно? Ну, то есть, Вам. Тебе. Да, тебе? – часто моргая глазами, спрашивает у Аннеты долговязый парень на седане. – Поехали? Доброшу так, что не замерзнете. – И, на секунду смутившись, – Замерзнешь.

– Разве сегодня холодно? – поеживаясь, спросила Аннета.

– Я думаю, что в машине всяко теплее.

– И ты доведешь, даже не ожидая приглашения на чашку кофе? – Аннета равнодушно спрашивает его, борясь с желанием подмигнуть. Рано. Схема не должна развиваться быстрее, чем запланировано.

– Даже не думая об этом.

Ничто не ускользнуло от внимания – ни почти выцветшее пятно на джинсах, ни взгляд, опущенный куда – то на асфальт, ни немного сбивчивая речь, с помощью которой водитель хотел поразить эту девушку. На вид ему было около двадцати пяти – двадцати восьми, он не был женат (кольца на пальце она точно не заметила), он – настоящая милаха, пусть и не без

известной доли ничтожности, размышляла Аннета. Она со смехом подумала также, что решение согласиться было бы правильным – почему нет? Только что решившись, она напустила на свое очаровательное лицо оттенок грусти – это сработало; водитель сразу же изменился в лице. План был рассчитан заранее.

Он бы подвез ее до дома, накормил бы за весьма скромную плату в виде случайного секса. Она бы была для него из тех, недоступных до самого последнего момента. Была бы наивна и юна, но только для него одного. Путала бы его и стеснялась, скромничала, изредка скрещивая свои руки на коленях. Плакала бы не переставая. Его забота бы разрушила его собственную жизнь – и с наивным и уса́тым Патриком не пришлось бы ей потеть этой прохладной ночью. Она подметила про себя, что Список и в этот раз помог ей с ночлегом – она шла на встречу с тем, предыдущим; этот же появился из ниоткуда на своем пыльном седане. Она, не думая, решила ухватиться за эту возможность – кто его знает, как долго она будет искать следующего?

Список должен был пополняться – ради опыта и познания жизни, а если даже и нет – то хотя бы просто ради мнимого удовольствия. Это было сложное объяснение – поэтому об этом она редко думала. Все, что у нее было – набор схем и фраз, подходящие под конкретную ситуацию. И в этот раз ее план выглядел так – темные ресницы, полные печалей. Рука, сжатая в кулак. Толчкообразная речь, демонстративное выключение телефона, но не раньше, чем усядешься в машину – можно даже попробовать симитировать ссору с кем –нибудь; но это было сложно – Аннете попросту никто не звонил. Дальше – просьба прибавить скорости. Заверение, что он никогда ее не поймет – и Николас уже не за рулем седана, а в ее власти, власти женщины, которой не интересен его достаток, увлечения и интересы. Мужчины любят ощущать себя великими, важными – все они такие, считала Аннета. Готовы давать советы и помогать, стать спасителями молоденьких красоток, объясняя своим басом элементарнейшее. И Николас такой – клюнет, так и не догадавшись, чего она вообще от него хочет. А ответ же лежит на поверхности – просто Аннета остановилась на позиции номер 37.

На улице имени Расселфорда она заметила Патрика, замерзшего, и, по – видимому, злого. Бедняга стоял на улице уже больше часа, ожидая ее – не зная, что она и не собиралась приходить. Что искала она не встречи с ним, а возможность найти другую. Что даже если бы не предложение Николаса – она бы не пришла, а отправилась на Палмоди, домой, прихватив бутылочку бренди.

Мимо него пролетел пыльный седан – и, всего на секунду... хотя нет, отгоняет он от себя эти мысли – просто показалось.

– Так что конкретно случилось с тем парнем? Он тебя обидел? – спрашивает ее Николас, засмотревшись на ее лицо под бликами светофора. Не улыбнулся, нет; со знанием поглядел прямо в ее черную душу. А увидев ее лицо, добавил, – Только скажи, если что – то не так...

– Нет, нет, все так, Ники, – торопливо перебивает его Аннета. – Мне просто надо... отвлечься. Мне сейчас так страшно, так одиноко, я... не знаю даже, почему я села к тебе, но мне так нужно выговориться, так нужно...

Послушно прибавив скорость, Ник повез ее к себе домой, потому что она на этом настояла. Вымолила, придумав серьезную ссору – а он, глупый, клюнул; впрочем, как и все. Она не знала, что будет через час, через два или завтра; но кое – что всё – таки знала – он влюбился в нее без памяти.

2

Сытый желудок, гудящая голова, исцарапанные спины – список можно было продолжать долго; эти атрибуты были чуть ли не обязательны в целом контексте философии ее Списка. Аннета, потягиваясь, радовалась тем новым туманным утроем – герой же любовник прошлой ночи, сэр Николас Тридцать Седьмой, мирно посапывал рядом, даже не подозревая, что о нем забыли в тот же миг, как бедра девушки обагрились его жизненным соком.

Головокружение и падение в вечность давно стали чем – то забытым, атавизмом бессонной ночи, бравшие начало свое в далеком и туманном прошлом, что еще пару часов назад были самым, что ни на есть, настоящим. Аннета смутно понимала это – как понимала и тяжесть последствий для бледных безбородых юношей и семейных мужчин, решивших угостить или же подвезти загадочную незнакомку в роковой для них самих же вечер. Она понимала, что шантаж был глупостью – тогда как глупость была спасением. В своей новой жизни она непроизвольно разыгрывала высококлассные трагикомедии в чисто английском стиле, опираясь, если даже и не на Ибсена (настоящего англичанина, куда уж), то уж на Стриндберга точно. Разумеется, она понимала, что в конечном итоге ей не понадобятся ни деньги этих людей, ни их забота и внимание; но та утраченная надежда, те разбитые сердца и проклятия вослед – вот ради чего стоило одевать юбочки подлиннее, заводя их в тупик своей ложной непорочностью.

Вершиной айсберга было удовольствие. Само по себе оно, длившееся мгновение, было песчинкой в океане удовлетворения своей новой, свободной и безрассудной жизни – не оно влекло нашу героиню, что бы она себе там не врила. Наслаждением же настоящим и полным было видеть в их глазах боль и разочарование, тоску и... любовь? Эмоции, чувства; неважно. После той, прошлой жизни она хотела быть нужной, необходимой. И она была – играя с другими, дергая за оголенные нервы их прорвавшихся, постаревших душ. Что греха таить – Аннета любила себя за это больше всего другого вместе взятого. Она разбивала чужие жизни, иногда даже не успев позавтракать. Она улыбалась и лгала. Плакала от счастья, имитируя оргазм. Бросала их, не оправдывая ожиданий – смотрела, как они будут себя вести. Если они, жалкие, умоляли – она улыбалась своей полуулыбкой и уходила, не захлопнув на прощание дверь. Если же хмурились и бранились – то она обязательно оставалась еще на какое – то время, продолжая изучать несчастную жертву. Со временем она находила то место, куда посильнее можно ткнуть; правда ли или нет – но Аннета Боунс никогда не знала поражений; уходила она улыбаясь и посмеиваясь, ощущая себя настоящей женщиной.

Расчет и время – вот то, чего у нее было навалом. Удивительно, как в свои девятнадцать она так ловко знала смысл этих непростых понятий; интуитивно, но она знала, как ей поступить.

Она давала слабым время на размышления. Неделю или две, чтобы они уже начинали ее забывать. После – она всегда возвращалась, рыдая и ползая по полу, умоляя простить ее. Один, два, три секса – и она разбивала сердца с новой силой, перекладывая проблему со своих плеч. Никаких сантиментов. Никакой романтики. Холодный расчет и желание мстить каждому, кто осмелился носить между ног краеугольный камень глупости рода человеческого.

Все дело было в нем одном. Но об этом, разумеется, позже – кто же, мои дорогие читатели, открывает все карты сразу?

–Эй, доброе утро. – шепчет Ник, приподнимаясь на локте. – Знаешь, я давно так не высыпался. Я ничего не...

Аннета снова потянулась и перебила:

– Ничего. Все в порядке. – в театральном жесте закрыла руками лицо. – я такая дура, Боже!

– Разве это имеет смысл? – просто спросил Ник, придвинувшись ближе. Он накручивал ее прядь себе на палец, пока говорил. – Вчера тебе просто было плохо. Да, так бывает! Послушай, правда, это все так безумно, но мне кажется, что...

Аннета жутко не хотела этих разговоров. Еле заметно она надавила ладонями на свои глаза; умение, приобретенное ей в начале своей так называемой карьеры. Глаза от этого краснеют и слегка припухают – если правильно надавить. Прокашляйся и начни говорить тихо – и большая часть мужчин взволнуются, увидев, как тебе стало грустно.

– Может... просто позавтракаем, Ник? – еле слышно спросила она, заглянув в его карие своими холодными синими. – К черту его. Есть хочу...

Он напрягся увидев глаза; улыбнулся, услышав про еду. Поцеловав ее в макушку, приказал оставаться в кровати – сказал, что ему не впервой готовить самому. Аннета была только рада – она чертовски не любила готовить; ела что попало и где попало. Это, однако, ничуть не мешало ей наслаждаться такими вот утрами – когда довольно симпатичный парень чуть ли не пулей мчится на кухню ради тебя одной.

Глупцы, ха! Воображают, что виноваты и пытаются загладить вину, нанесенные спасением от одиночества. Нет, конечно же никакого парня прошлой ночью не было, приключение с Тридцать Седьмым прошло великолепно, да и Ник был не похож на трясущегося от переполнявших его эмоций юнца; однако что – то в его душе все же было. Что – то светлое – он не хотел нанести раны, скорее переключить внимание было его первой целью; однако банальная доброта не являлась помехой для Списка. Она уничтожит и его, как делала с другими и раньше. Он – идиот, готовящий ей завтрак; он – палач, вытаскивающий по своей шее топор.

Оторвав голову от подушки, она села. Привстала, одернула занавеску. Свет проник в комнату, серый, слепящий. Попятившись, наступила на что – то и вскрикнула. Услышала топот ног.

– Ай, черт, Аннета! – вскричал Ник, голый, в одном фартуке. С сожалением сказал. – я не привык к гостям, да и вчера, как понимаешь...

– Но ключ – то можно было поднять! – с досадой бросила она. – Там что... – начала она, показав рукой на дверь, ведущую в кухню. Ник, улыбнувшись и пожав плечами, испарился в направлении кухни, где вовсю подгорал омлет.

Наскоро приняв душ и одевшись, она вышла на кухню, где задумчивая позиция Списка пила остывший кофе.

– Я его спас! – с гордостью улыбнулся Ник. – Но он уже остыл... долго ты.

– Надо было подумать. Извини.

– За омлет? Брось ты. Хочешь, у меня еще остались...

– Да я не об этом. – Увидев обеспокоенное лицо Ника, Аннета чуть не прыснула ему прямо в лицо. Сделав многозначительную паузу и вдоволь посмеявшись про себя, продолжила. – Знаешь, о чем.

– Всегда можно забыть! Понимаешь, если...

– Не получится. Вернусь к нему! Точно вернусь. – с убийственной горечью чуть не прошептала она, смотря в пол.

– А мне что прикажешь?

– Жить? Знаешь, Ник... а, не уверена, что это стоит говорить. Точно, не стоит. Пойду я. – и Аннета Боунс начала вставать.

Ник вскочил, прижав ее к себе. Сказал:

– Ты же не хочешь? Туда, к нему?

– Нет, хочу здесь, но... – Аннета изобразила муку на лице, потом сомнение. С первым объясняться было еще довольно трудно, да даже с пятым, но с тридцать седьмым? Аннета могла разыгрывать постановки, даже не зная запланированных сценариев. – Забудь! – чуть ли не прокричала она и попыталась вырваться.

Она знала, что за этим последует. Это всегда следует за попыткой побега – мнимой и жестокой по отношению к хозяину замка; хотя дракон или же злодей из Ника такой же, как и из нее – принцесса.

Конечно же, она отдалась ему прямо на полу кухни. Ужасном полу, между прочим; пол этот заслуживает описания в первую очередь – даже Ник не так уж и важен, как то, что представляла собой его квартира. Светло – серые обои были еще чем – то привычным, но вот остальное... казалось, будто бы в его квартире жил сумасшедший дизайнер, решивший создать самое ничтожно удивительное из своих творений – а потому не щадящий цветов и расстановок внутри. Кислотного цвета картины в двух из трех комнат квартиры, выкрашенный ярким, кроваво – красным пол, неряшливо расставленные шкафы и полочки, от которых благородную английскую леди стошнило бы прямо на месте. «Но если бы и вправду стошнило, то хуже бы уже не стало», – рассуждала про себя Аннета, пока Ник елозил ею прямо по этому красному полу; оголенную спину, к счастью, от порочных соприкосновений защищал ковер. «Будто бы на скотобойню попала», – с отвращением думала она, переводя взгляд с пола на стены кухни. Она отдавалась просто, охая и ахая, не закрывая глаз – и если бы Ник встретился с ее заинтересованным взглядом чуть раньше, то и развязка у этого удивительного знакомства была бы совсем иной.

Сам Ник, к слову, был человеком не особенно – то и красивым. Он был долговязым и имел то удивительно не запоминающееся лицо, которым наверняка обладают все те, кто стоит в списках шлюх под номером 37. Вытянутое на английский манер, с примесью чего – то лошадиного и рыжеватого – хотя волосы его были черны словно смоль, лицо все равно оставалось лицом рыжего человека. Нет, Аннета была толерантна, и даже чересчур – с удовольствием бы подружилась с негром, предпочитающим мужчин вместо женщин, если бы только такая возможность представилась; такие, правда, словно почуяв, обходили ее стороной. Аннета еще не понимала его душевных качеств – однако ей думалось, что он вряд ли ее удивит; все они на один неинтересный манер, как бы смешно это ни звучало бы.

Они лежали недвижимо, не накрываясь. Чутье подсказывало ей, что необходимо всхлипывать – да, иначе он просто не поверит; услышав эти душераздирающие звуки, он не удивился тому, что девушка повернулась к нему спиной. Он размышлял, что же ему делать дальше – она же беззвучно смеялась, отчетливо представляя его глупое выражение лица. Он сомневался, взвешивая все за и против; наконец решил. День уже почти разошелся, когда в холодной кухне Ник спросил, смотря в потолок:

– Быть может, ты останешься? На время. Я не богат, но какие – то сбережения у меня все же есть. Пока могли бы жить вместе, пока ты не подыщешь...

Аннета крутанулась на локте и чуть ли не с яростью (а она имитировала это лучше прочего) зашипела. Но он настаивал слишком горячо. И она, конечно же, поддалась – не сразу, изобразив сомнение и смятение на своем прекрасном лице. Он был даже счастлив – как же, такая здравая мысль пришла в его голову! Он – то, глупый, и не подозревал, что не его идея возникла среди путаницы беспорядочных мыслей. Она надавила на жалость и слабость, лишь она, только появившись, спутала все разложенные по стопкам карты; это ли не комедия – наблюдать, как человек начинает верить в то, что родилось в стенках другого разума?

В любом случае, он был горд за себя – ни дать ни взять ощущал себя спасителем, а ее принимал за обязанную ему жертву. Или попросту влюбился – кто их, мужчин, разберет? В любом случае, они прожили почти две счастливые недели, деля скромные обеды и жаркие ночи. Сладкими были те дни, пока он не очнулся от этого странного сна.

3

– Но почему было не сказать мне правду?! – ревел Ник, размахивая ее сотовым телефоном. – Зачем это все, ты можешь объяснить? Разве хоть одна порядочная девушка станет так делать? Я, я... не знаю, черт, как смотреть на тебя, ты понимаешь? Как вообще можно верить тебе после этого, ты...

Аннета устало пыталась вставить хоть одно слово. Чутье подсказывало ей, что она слишком заигралась – так банально она прокололась, так беспомощно придумывала отговорки! Нет, это же надо – сказать Нику, что она уже списалась с бывшим и все решила; после же оставила телефон на самом видном месте. Естественно, из банка пришло сообщение – на имя, мать ее, Сьюзан Доус. Вот он и взъелся, идиот – не смог смириться с тем, что она не назвала ему своего настоящего имени.

– Как, Боже, как? – схватился за голову Ник, закатив глаза. Лицо его налилось кровью – кричал он уже как с полчаса. – За что мне все это? Ты врываешься ко мне в жизнь, заплаканная, обиженная; ты жалуешься мне на своего парня, что обидел тебя и выгнал – и черт меня дери, если бы я не убил его, особенно после той ночи. Но ты! Ты запрещаешь – и отнекиваешься, когда я предлагаю тебе это, с трудом соглашаешься остаться у меня на время, по вечерам я слышу твои всхлипы. Ты! Ты говоришь мне, как тебе повезло, как ты забываешь его, как ты... к черту. Знаешь, что я пережил? Как трудно было мне?! Да я зацепился за тебя! А теперь вот узнаю, что все это ложь – все, начиная от твоего паршивого выдуманного имени.

– А ты не думал, что у меня были на то причины, Ник? – стараясь казаться взволнованной, спросила наконец Сьюзи, которая еще час назад преспокойно была Аннетой. – Не думал, что я просто придумала себе новую жизнь? Чтобы быть с тем, кто...

– Хватит, Боже, что же ты несешь? – закричав еще громче. Сьюзи заметила, что в глазах его стояли слезы. – Ты, ты... шлюха, вот ты кто. Тебе негде жить и нечего есть. Увидела меня – да придумала все за секунду, наверное, или дольше – плевать! Кричу тут уже сколько – хоть бы бровью повела! Но нет, нет, куда тебе, жалкой – все смотришь да анализируешь меня, думаешь, как бы выкрутиться... не выйдет! Я не хочу тебя видеть больше, не хочу, ты...

Он не начал плакать, нет; по природе своей он был сильным человеком. Но тут Сьюзи применила свое самое страшное оружие – слезы и эмоциональность. Она закричала, нет, завывала – упала на колени, обхватив его ноги. Тараторила извинения. Говорила, как он неправ – что имя она поменяла действительно лишь потому, что хотела начать сначала. Что никакая она не шлюха, что не использует его и даже немножко любит; клялась и божилась всеми мыслимыми богами, что он неправ, и что ей было ужасно не по себе, от того, что она сразу ему не открылась. Тушь текла по ее красивому лицу, синие, холодные глаза являли собой переплетение цветов – красные прожилки, воспаленные белки. Лицо немного опухло и исказилось. Незаметные прежде морщины появились в уголках губ. Она умоляла, шептала, хватала его руки и целовала, умоляла, умоляла, умоляла... пока своими эмоциями она наконец не подмяла его.

Он смягчился и поверил ей – снова, поцеловав ее в лоб. Отправившись на кухню, они сидели молча, обжигаясь и размышляя, что им делать дальше. Точнее, размышлял только один – Сьюзи знала, как все будет теперь.

Им не спалось. Открывшаяся «правда» о Сьюзи Доус расставила все по своим местам; так ему казалось. Разумеется, он не выдержал тяжести откровения – все подчистую выдал о своей жене, разводе и Клубе достойных шлюх.

История была не такой интересной; банальность в ней перемежалась домыслами и слухами, что, впрочем, никак не мешало Нику говорить почти всю ночь. Нет смысла приводить ее целиком: за всю ночь он почти ничего и не сказал; для Сьюзи же он открыл удивительный мир тайны, мир порока, тот мир, в который ей захотелось попасть. По его словам, он прожил

с женой целых два года – ничего не предвещало беды. Их отношения были идеальны, пока однажды он не нашел письмо на охладевшей стороне постели. Что в нем было сказано, он так и не рассказал – важным было лишь то, что его Дороти ушла в некий Клуб достойных шлюх.

Это многое объясняло – то, как он покраснел и задрожал, называя этим нечестивым словом Сьюзи. Объясняло и то, почему он так хотел помочь бедняжке – наверное, его сердце медленно пожирало огонь. Кто их, этих мужчин, разберет? Нас интересует другое – то, как Сьюзи слушала его историю. Вполуха, но только услышав о загадочном месте, живо обрела потерянный где – то к половине второго ночи интерес.

Но почему, могут спросить меня читатели, она так заинтересовалась местом, будто бы сошедшим с пожелтевших страниц книг? Дело было даже проще, чем могло показаться вначале – она была слишком наивно, слишком невинно юна. Ей imponировало самое осознание чего – то, попросту не укладывающегося в привычный размер данной ей жизни; говоря проще, она не ожидала узнать об этом месте – этого не было даже в самых смелых ее фантазиях; а с фантазией у нее, к слову, все было в очень даже полном порядке.

Сам Клуб, чем бы он ни был, являлся пережитком прошлого. Из истории она знала, ну, или думала, что знала, что классический джентльменский клуб являл собой место встречи людей, если и не великих, то в этом величии заинтересованных как минимум. Она где – то вычитала в детстве, что клубы и только они способствовали возникновению многих предприятий, авантур, волевых решений; в клуб был вхож не каждый и, если уж он там появлялся, то просто обязан был как минимум не ударить в грязь лицом. И вот она слышит про некий клуб шлюх. Нет, дело не в том, что эти самые клубы устарели – по телевизору она недавно посмотрела интересную передачу, где рассказывали о открытии нового. Но безо всяких шлюх. В принципе без женщин – это было несправедливо, но понятно, даже человеку юному и наивному, что моя Сьюзи Доус.

Она видела, как все меняется. Клубы возрождались, один безумнее другого – а участники, сидя за столиками, покуривая и читая газеты – были настоящей элитой утратившего ценности современного общества потребления. Чем – то вроде элиты; нет, все же не ей. Ведь туда были вхожи лишь одни мужчины – сильные да слабые, молодые да старые, утратившие веру и только что начинавшие жить. Было ли это справедливо? Разумеется, нет. Но она отчасти понимала – уже в девятнадцать! – почему женщинам туда вход был заказан.

Это была великая тайна мужского рода, в которую почему – то их не хотели посвящать до поры до времени. Женщины лгали. Обманывали. Отдавались направо и налево, только учуяв выгоду – и потому были неблагонадежными членами. А мужчины, пусть даже из самых низов, были богами нового мира – и вершили свои судьбы, выпуская в воздух клубы дыма. Это было каким – то невероятным правилом; невероятным оттого, что это почему – то работало.

Но Клуб достойных шлюх, по словам Ника, был другим. Он не знал что это за место – но пытался наводить какие – то скупые справки. Непонятно от кого узнал, что он находится где – то в Спрингтауне. Узнал, что туда были вхожи только женщины; сама Дороти, его бывшая, писала, что «встретила удивительную женщину, которая изменила ее жизнь». Прописала в постскрипуме, что очень его любит, но жаждет другого; хочет учиться жить, как живут обитатели тех загадочных мест. Вот и все, что было сказано в том непонятном письме.

Ник как раз говорил что – то про бумаги, что пришли ему на следующий день по почте от адвоката; но Сюзан уже всю занялась своими же мыслями. Клуб достойных шлюх. Клуб шлюх; почетный член клуба шлюх. Слова сами перекатывались у нее в голове – и повторяя это раз эдак с тридцать, они уже не были чужими. Засыпая под утро, она уже точно знала, что нужно делать.

Наутро она попросила Ника сходить в магазин за молоком, соорудив ему милую мордашку, обильно приправленную ароматной специей синевы своих глаз; позже он будет вспоминать их даже дольше, чем он вспоминал Дороти, безобразно сбежавшую в холод нового, солнечного утра. Он оделся и вышел; его не было около часа – задумавшись, он решил купить Сьюзи так же и цветов, проникшись тем, как честно она вчера рассказала свою историю про своего бывшего. Эх, мужчины! Он мог бы задать себе кучу вопросов. Посмотреть на нее с другой, непривычной для его глаз стороны; однако, он не стал этого делать. В глубине души он доверился ей, излив свою белую душу – и потому его разочарование чуть не уничтожило в нем все то, что он так долго строил.

Ей хватило часа за глаза. Она улыбнулась своей известной в определенных кругах полуулыбкой и написала ему прощальное письмо. Ну, как письмо – просто два слова на кусочке бумаги, – а маленькое пятнышко кофе в уголке словно бы ставило необходимую точку. Никаких запятых – только точки, или многоточия, обязательно предшествующие окончанию таких нужных фраз.

На листке было написано всего два слова – «Ты идиот». Без постскриптов и объяснений, без торжественно звучащих высокопарных фраз. Не лирика, не реализм – действительность, та, о которой теперь не пишут; сама бы Бронте со своими зарисовками не написала бы лучше. Всего два слова – но сколько смысла! Ведь Сьюзи не думала, зачеркивая фразы и прибегая к перекрестному или же кольцевому оформлению; наитие в ее случае было ее главным козырем. Она умела в двух словах унизить так, как другие не умели и в двух тысячах; простота гармонировала с уверенностью и зачатками разума; однако, значение слова «гармонировала» она бы объяснить так, наверное, и не смогла.

Она шла, беззаботно улыбаясь навстречу новому дню. Забот не было, не было предчувствий и ожиданий; просто теперь у Сьюзи, что раньше называлась Аннетой, появилась цель. Для чего и почему – ее не интересовало. Последние несколько лет она попросту осуществляла все, что только задумала, не особенно вдаваясь в размышления.

Однако, Клуб ее и вправду заинтересовал, если вы, мои дорогие читатели, разрешите раскрывать хотя бы по одной карте в пасьянсе хитросплетений ее души. Было в нем что – то эдакое, что тормозило ее и без того волнительную суть – то, что попросту не вписывалось в концепцию ее привычной жизни. Она шла и улыбалась; в душе же, даже где – то в глубинах подсознания, шло внутреннее противоречие; она, сама того не ведая, сравнивала свой беспорядочный список с Клубом достойных шлюх.

Мимо прошла проститутка – повинувшись неизвестным мотивам, Сьюзи спросила ее о Клубе; та, разумеется, ничего не слышала. Вторая попавшаяся – тоже мимо. Так бывает, – утешила себя Сьюз, пожав плечами. Она знала, что он не останется тайным; для всех он пускай остается загадкой сфинкса, но для нее? Нет уж, такому не бывать. И пусть она, даже, замерзшая, обогреет всех несчастных простушек Спрингтауна, пусть она и не узнает сегодня или завтра, да и через неделю тоже, пусть ее сомнения одолевают верх, а Список вытесняет фантом этой безумной авантюры, но...

Но она добьется правды. Заслужит своего места под солнцем, пока ее одежда чиста, и не нужно возвращаться на Палмоди, 6 – благо в кошельке еще остаются какие – то деньги. Она узнает, скрываясь по мотелям, убегая от того, что являлось ее настоящей личиной, будет искать, размышляя да принимая неверные решения, но не угасая, как спичка во тьме.

Сьюзи Доус, приехавшая в Спрингтаун около двух лет назад, была такой спичкой. Жила с соседкой почти на самой окраине города, появляясь, чтобы постирать и сменить гардероб. Иногда была отзывчивой и улыбчивой – могла даже месяц или около того жить, неизвестно откуда получив деньги. Но ей было трудно – в этом вечно снующем и безрадостном для такой, как она, мире. Гасла, только выйдя за порог; спичка, что и говорить.

Аннета Боунс же жила по отелям, отдавалась первым встречным и разрушала чужие жизни. Они обе умело сочетались в одном человеке: постепенно открывая завесу то одной из граней, то другой. И когда Сюзи выходила на порог, она гасла. Не оставалось света – была лишь беспросветная тьма.

Как бы объяснить вам понятнее, дорогие мои читатели? Аннета Боунс и была этой самой настоящей тьмой.

4

Россыпь волос на кушетке – загадочное созвездие каштана и пыли, молодости и совсем еще наивной юности, сосредоточенной в одном лишь пылающем месте. Ахмед сопел, сгибался и разгибался, извивался, словно уж – и по его загадочному арабскому лицу было неясно, хотел ли он доставить удовольствие или нет.

Он был моложе ее – не намного, нет; лет ему было около пятнадцати, ростом был он немного ниже самой Сьюзи. Он быстро смекнул что к чему – волновался, правда, пока она вела его за руку по ступенькам в мотеле, наивного, юного. Смотрел исключительно в пол – слова даже не вытянешь. Было видно, как он сторал от нетерпения, изредка заглядывая в ее глаза; заметив это, Сьюзи лишь отворачивала от него голову и беззвучно смеялась, удивляясь всему этому. Но она знала кое – что еще: впервые кандидат для позиции Списка был подобран чуть не идеально.

Нужно ли объяснять вам, дорогие мои читатели, что каждая позиция несла какой – то определенный смысл, некое значение, выпестованное прямо в ее сознании и душе? Удивительно, что это было так. Обычно шлюхи не придают значения для тех, кому жадно отдаются на улице, думая что никто не видит; однако, Сьюзи была не такой. Да, поначалу в ее беспорядочности и хаосе не было... структуры, но после десятого или одиннадцатого она появилась. Все проявилось тогда перед ней – безмянные позиции обрести смыслом. Строя свои так называемые отношения, она искала определенных, тех, кого не было раньше. Тех, кто был по ее мнению слишком счастлив.

Так и появился Ахмед – позиция под номером 38. Позиция, несущее значение неопытного, влюбчивого мальчика. Но он... он превзошел самые смелые ожидания.

– Ты уже был с девушкой наедине, Ахмед? – спрашивала Сьюзи, остановившись перед дверью. Она улыбалась ему, стараясь поймать его взгляд.

– Д – да, не рас, не рас был я... Я... Да, да! – с ужасным акцентом говорил Ахмед, глядя упорно на покрытый пылью пол.

– Боишься меня?

– Нет. Д – да... Нет, не боюсь, – говорил он, осмелев, но, только взглянув, сразу же опустил глаза. – Немног боюсь. Легка боюсь, Нетта!

– Ты милый, такой маленький и милый. – она дотронулась до его лица, провела по безбородой щеке. Увидела, как все его тело содрогнулось. Он чуть ли не плакал от возбуждения – и это было важнее, чем целая сотня приятных комплиментов. Убрав руку, она спросила. – Ты готов?

– Котов? – удивился он, но, обдумав, посмотрев ей в глаза еще раз и увидев там что – то, прокричал шепотом. – Да! Котов! Котов! Котов!

Она была полна его темной пылью, заполнившей глаза и волосы на его теле, но в голове почему – то крутилась совсем неожиданная мысль, совершенно не связанная ни с его внешностью, ни с ее участием в этой «войне двух камней». В голове были мысли, которые она не формировала – мысли образовывались сами, порочные, грязные. Знала ли Сьюзи, а тем более Аннета что – нибудь о пошлости? Той, о которой писали великие, той, к которой стремились многие? Вряд ли. Но если задуматься, то ее мысли о Клубе достойных шлюх не были пошлостью, уж увольте; алчность обладания правом в него вступления – вот где пошлость наконец брала над нею верх.

Но она и сомневалась. Не так, как когда вы, мои дорогие читатели, вскакиваете и хлопаете себя по лбу, разглядев очевидное, а следом спорите с собой чуть ли не вслух; театрализм такого рода был для Сьюзи неприемлем. Она даже, глупая, не понимала, что сомневается – спихивала все на разносторонность своих желаний. Если бы она хоть немного понимала в литературе,

в кино, в живописи и знала бы архетипы сюжетные, то предпочтение несомненно отдала бы борьбе. Ведь в ней это было. Сама того не ведая, она была ареной, в которой насмерть бились две идеи: идея Списка шлюхи обычной и идея Клуба шлюх, но достойных; и борьба была явно неравной.

С одной стороны был Список. Знаете, у некоторых был Альцгеймер, у кого – то рак, у кого – то веснушки или чересчур маленький повод для мужской гордости, от отца к сыну, от сына к сыну сына... и так далее. А у нее был Список, дарующий ей смысл жизни, наполняющий ее тревогами, заботами интересами на целую жизнь вперед. Она даже могла бы быть философом, верите? Если бы только у нее хватило ума систематизировать все накопленные знания о себе и вылить их потоком на прозябающую человечью суть; увы и ах, она им так и не стала. С каждым новым мужчиной (пусть даже и далеким до смыслового фантома позиции Списка) она приближалась к заветному числу, тому, что ей предстояло еще узнать – а подойдя к нему вплотную, она бы наверняка остановилась, достигнув тайн самого бытия. Таков был Список. Жестоким, вгоняющим в рамки и наивным для человека, что захотел бы познать душу шлюхи. А был ли он необходим? Был ли так важен? Скажу так: Аннета была диким зверем, тогда как Список был ее добрым хозяином.

Но Клуб выглядел иначе. Неизвестно почему, неизвестно зачем. Черт, да она даже не знала, существовал ли он на самом деле! Но тем интереснее становилось день ото дня. Тем интереснее было засыпать под композицию фантастических снов. Искать его, оправдываясь, что затеяла все это несерьезно. И даже не замечать, как с каждой новой минутой эта тайна все больше ее завлекала; видишь ли ты, как становишься одержимой, Сюзиан Доус? Что, что ты там себе напридумывала? Можешь ли ты ответить хотя бы сама себе?

А она отчего – то могла. Ей там были бы рады, отчего – то решила она. Ей, несовершенной и безумно красивой, ей, с пышной грудью и узкими бедрами и слегка резким разрезом глаз. Ей и ее пылкости, граничащей со страстью – с тем, что и сводило всех вокруг с ума. Ей были бы рады даже вместе с враждебным идеям Клуба Списком, ставшим неким ориентиром в неизведанном ею прежде мире порока и греха.

– Дададада! – на одном выдохе приглушенно шептал Ахмед. – Тепе хор... Хорршо со мной?

– Да, безумно! – с закрытыми глазами смеялась про него Сюзи. Однако мальчик был и правда довольно неплох.

– Хорршо! – почти прокричал он, вгоняя глубже свою арабскую гордость, заставляя ее оазис переполнить ее же пустыню. – Хорршо! Да! Да! Хорршо! О, Нетта! Да!

Она не искала его нарочно; мир подчинялся закону, придуманному Списком Аннеты Боунс. Если бы она закончила факультет английской филологии (если бы она вообще хоть – что –нибудь бы закончила), то написала бы трактат, положение или бы эссе прямо поверх бежевых обоев, обязательно снабдив бы напутствием в виде свода законов Списка. Она не понимала, как это происходит – но судьба, или проклятие Списка вели ее по жизни, толкая в объятия незнакомых ей пока еще людей. Каждый появлялся внезапно – подсаживался в кафе, останавливался на машине, спрашивал как пройти в какое –нибудь место. Сюзи верила в это – в то, что сам Список подыскивает ей людей; а делая им больно, она выполняет какую – то важную миссию, неподвластную для понимания простушки вроде нее. Казалось, что она – рабыня своего Списка, того, что не противоречил ее же желаниям. Все было подвластно ему – пусть он и существовал только в ее голове: Список говорил ей, как и что делать, как вести себя, как симулировать и имитировать, как лгать и говорить правду; вел, словно собака –поводырь бедную девушку по беспросветной для нее жизни. Список был целой жизнью. Не давал ей умереть от голода и скуки – однако, перемены не заставили себя ждать: просто в Списке не было ни отсылки, ни аллюзии, ни даже простого упоминания о Клубе достойных шлюх.

Ахмед сопел, а она никак не могла взять в толк – хочет она о нем думать или нет. Ее чутье говорило ей, что эта тайна стоит своей разгадки, тогда как рассудок твердил обратное. Она опросила проститутток; разумеется, не успокоилась. Вечером того дня, когда она ушла от Ника, ей в голову пришла мысль простая, но тем не менее важная – этот Клуб, чем бы он ни был, не менее важен, чем ее собственный Список. Вот и все.

Она дивилась своей собственной противоречивостью. Она могла день о нем не думать, но ночами... мысль о Клубе заволакивала ее рассудок, витала, подобно облаку, в темной пещере ее разума твердя и твердя без перебоя: найди меня! Иногда она чуть ли не верила, что это просто наивные глупости, а иногда она чуть ли не выла от собственного бессилия: ночами этот Клуб становился навязчивой манией, пожирая ее, безумный демон из фантастических сновидений, на практике выглядевший как дом викторианской эпохи – почему – то именно так, а не иначе. И даже в те ночи, когда она чуть ли не приходила к пониманию самого явления Клуба (о котором, к слову, совсем ничего не знала) – она растворялась в своем неведении, пожираемая собственными мыслями и сомнениями. Клуб или Список? Вот что было объектом ее сомнений. Но не потому, что Клуб был схожим со Списком; нет, не поэтому. Просто Клуб...

Он отчего-то завораживал.

– Я пьяна тобой, Асмед, пьяна...

– Ахмед я, о, Нетта... – с придыханием шептал он.

– Да, да, да, Ахмед, мой милый, маленький, милый, – вторила ему она, сильнее обвивая своими руками его загоревшую кожу и двигаясь, двигаясь, двигаясь. – Только ты, только ты на свете – и больше ничего... А – ах! Сильнее! Боже, боже...

Так продолжалось около получаса. Потом, вспотевшие, они откинулись на жутко скрипящую кровать мотеля. Сюзи смотрела на него – мальчик был на седьмом небе от счастья. Она даже почувствовала что – то вроде гордости за себя.

Полежав минут так с десять, она наконец решилась. Жизнь дана всего лишь раз – так почему бы не использовать ее по полной?

– Могу я спросить тебя, Ас... Ахмед? Только отвечай честно. – спросила она, приподнявшись на локте. – Хотя и не знаю зачем, но... а, ладно. Мало ли, вдруг что – то слышал.

– Прос... спра... – сморщил лоб Ахмед. Потов, поняв примерный смысл предложения, просиял. – Да! Отвечу!

– Это будет трудно. – еле слышно сказала Сюзи и подняла свое лицо мальчику. – ты не слышал ни о каком клубе шлюх? Клуб шлюх. – медленно проговорила она, даже не надеясь, впрочем, что он поймет смысл ее слов.

– Шлюх? – с сомнением проговорил он, задумавшись. Видимо, вспоминал что – то: целых две минуты оставался недвижим, пока его рот непроизвольно двигался, проговаривая буквы, слова и, по – видимому, целые предложения. Потом он ответил, но не так уверенно. – Шлюх. Да.

– Да?! – чуть не вскочила Сюзи, удивившись. Начала его тормозить, задавая новые вопросы. – Кто говорил, Ахмед, когда? Что он сказал? Пожалуйста, мой маленький, ответь! Что это за место, как его...

Но судя по тому, как он посмотрел на нее, она немного сбавила темп. Он же плохо понимал человеческую речь – это было заметно даже ей, несовершеннолетней. Он вполне мог перепутать слова. Вполне мог что – то придумать. Вполне мог услышать что – то по телевизору, исказив первоначальный смысл. Но он наконец ответил – и ответ этот шокировал ее больше, чем она предполагала. У него даже забились на лбу жилки – так он занервничал, этот маленький и несмышленный человек, предопределивший ее непростую судьбу.

– Школа. Там, школа... девочка. Поли. Од... одна... – он начал тереть лоб.

– Одноклассница?

– Да, да! Она – Поли. Гаво... гов... сказала нам. Шлюх клуб! Шлюх! – Он был готов чуть ли не заплакать – однако увидев ее радость на лице, осмелел. Продолжил чуть более уверенно. – Она... там. В кубе шлюх. Она... знать. Лучш – чше!

А узнав имя и фамилию, которые отчего – то показались ей знакомыми, она тут же утонула в его пепельных волосах чуть выше пояса, благодаря, благодаря, благодаря! И Список, тот самый Список, что не желал быть свергнутым, толкал ее навстречу Клубу, приблизив сначала к Ахмеду, а после уже и к заветной цели, явно начинающей приобретать очертания. Пугало ли это? Скорее, настораживало. Но в тот день Сюзи одержала настоящую победу. Пусть даже и пришлось извлекаться в черном пепле, зато она наконец узнала. Хотя что – то, на поверку оказавшимся целым приключением. Впервые за долгое время она не стала уничтожать душу Ахмеда – мальчик очень сильно ей помог. Просто пообещала ему, что найдет его – после чего вытолкнула вазшей; в тот мотель больше она никогда не приходила. Бедный мальчишка переживает, молодой еще – так решила она, отдавая ключи от номера хозяину.

Холод бил ее по щекам и губам, когда распрощавшись со своим «любимым», она шла по Биндустрит. Ветер шептал ей ободряющие нежности, немного остужая ее разгоряченные внутренности, не успевшие остыть после арабской бомбардировки; впрочем, ей уже было все равно. На пике воодушевления она ничего не замечала – даже огней фонаря и потускневшее небо, опустившееся пеленой на мир.

Поворот, перекресток, сигналы и присвистывания вслед ее молодому и красивому телу, переходящему уже на другую сторону. Сюзи Доус не шла – летела по проспектам и улочкам, поворачивала и улыбалась, словно бы уже шла навстречу новой жизни. Хотя и шла она лишь домой к Полли Шоу, загадочной девочке с отчего – то знакомой фамилией.

Ахмед в своей загадочной арабской манере тщательно подбирал слова, ободряясь по мере повествования – и она практически все разобрала. Полли жила на Трэмстрит в доме номер восемь с родителями и сестрой, и как – то в школе упоминала какой – то «клуб с шлюх-шлюхми». Она была «по... попп... ляпп... известной девочкой» и могла, в общем – то знать о Клубе. Но в свои 16? Сюзи даже ей слегка завидовала. Ей для этого знания пришлось пойти дорогой более... тернистой.

Увидев перед собой дубовую дверь дома номер восемь по Трэмстрит, она стукнула по ней трижды. Дверь открылась – и перед ней появился человек, которого, к сожалению, она знала слишком хорошо. Она поняла, откуда ее фамилия была такой знакомой. Как только она увидела его, внутри все похолодело. Перед ней возвышался Дэниэл Шоу – почти седой человек среднего телосложения и высокого роста, имеющий таких же средних размеров повод для гордости у мужиков. Позиция номер четырнадцать Списка Аннеты Боунс.

5

Проблема маленьких городков очевидна для многих, кто познал самую суть вещей – маленькие города вредят имиджу. Люди знают многое, о многом помнят. Иногда ты даже можешь влюбиться в собственного дальнего родственника, совсем об этом не подозревая. Ну или переспать с отцом информатора, что может продать тебе билет на поезд, следующий в твое светлое будущее.

Дэниэлу Шоу было около сорока, если не больше – второй или третий женатик в послужном списке нашей героини. Появился громко, с треском – сбив Сьюзи на своем «поло», когда она в задумчивости переходила дорогу. Потом все по схеме – оказание первой помощи, отказ, комфортабельный номер отеля, терпение, слезы и жалобы на свою суку – мать (или суку – отца) и вот он – долгожданный для обоих секс на мокрых от слез одеялах. А потом началось самое интересное.

Дэниэл сразу сказал, что женат. Долго отпирался, убирая ее руки со своего тела – но так и не смог сказать ей «нет», когда они залезли ему за пояс. Он только и мог, что охать и ахать, а после – зарыдать, прямо как Сьюзи часом ранее.

Тогда он говорил:

– Мне так стыдно, стыдно, стыдно... но ты ни в чем не виновата, невинное дитя...

Теперь он шипел:

– Убирайся с моего порога, ты, шлюха грязная! Что ты здесь забыла, когда...

Дэниэл Шоу был нежен с ней... до определенного момента. До первой попытки Аннеты Боунс разрушить его успешную и замечательную жизнь. Она объясняла себе это просто: ей так хотелось. А добиваться того, чего хочется – разве не в этом скромном процессе и кроется сама суть удовольствия? В любом случае, Дэниэлу очень не понравилось, когда она во время второго их раза спросила имя его жены. Имена детей. Где он живет и где работает.

Тогда он сказал лишь:

– Слушай, не твое это дело. – нахмурившись.

Теперь он шипел еще тише, от того и страшнее:

– Я убью тебя, если ты переступишь порог моего дома, шлюха! Убирайся вон! Как ты вообще нашла меня?

Она жила опасной жизнью – даже слишком для девушки ее положения. Если бы Список предложил ей не того парня (а он вполне мог быть на такое способен) – то она бы уже валялась где – нибудь с перерезанным горлом, не иначе. Потому, что жизнь Аннеты Боунс была насыщенной в отношении угроз, туманов и пустых обещаний насильственной смерти от жертв ее молодого и красивого тела. Она даже однажды висела на волоске – потому что от янки много чего можно ожидать; однако это не сломило ее уверенности. Она считала себя единственной способной на это – эдакой мстительницей, Робин Гудшей нашего поколения, отнимающей у богатых на любовь это самое богатство... и не отдавая его никому. Принося страдания и захламляя там, где еще недавно билось и цвело любящее сердце.

После третьего раза Дэниэл ушел. Ушел он, но она настигла его позже. И еще. И еще. Она считала, что, в принципе, могла бы быть неплохим частным детективом, находя людей, как бы они от нее не прятались – все равно не выходило. Даже если они переезжали, Аннета каким – то совершенно фантастическим способом находила их, случайно встречаясь на улице, в кино или же торговом центре, к ее собственному счастью и горю экс – любовника.

У Дэниэла Шоу на лбу выступила испарина. Его дыхание сперло, грудь ходила взад – вперед, а слова вырывались толчками. Еще немного – и у него из уголков рта полилась бы белая пена, словно бы у загнанного старого пса. Да, пес – это слово характеризовало Мистера Четырнадцатого как нельзя лучше.

– Какого... черта... тебе... тут... надо...?! – максимально тихо прошипел он, сжимая кулаки. – Я сказал тебе забыть про меня! И никогда не вспоминать! Клянусь, я убью тебя прямо сейчас, ты... пошла прочь, ты, сука, ты...

– Милый, кто там пришел? – донесся из дома довольно – таки приятный женский голос. – Это ко мне?

– Нет, дорогая, это... это по работе! – прокричал он, одной рукой прикрывая дверь. – Что стоишь? А ну пошла!

– Нет. – немного неуверенно произнесла Сюзи. Она боялась его – ему не хватало лишь команды, чтобы наброситься на нее; цепной пес, ни дать ни взять. Потом продолжила, чуть собравшись. – Нет, Дэни. Я... по делу. Мне нужна твоя дочь.

– Черта с два я тебя к ней подпущу! – зашипел он, обнажив зубы. – Ты не посмеешь, сука! Ни за что. Не хватает еще, чтобы...

– Да я не об этом, послушай, – перебила его Сюзи. С каждой секундой она волновалась все больше. Этот человек пугал ее – пугал, как никогда прежде. Не из – за того ли, что впервые он был необходим ей, словно воздух? Он был никем; но его дочь была целым миром. Но путь этот был тернист и опасен – словно бы морское чудовище, преграждающее путь Одиссею, на пороге стоял Дэниэл Шоу. Не было у него шести голов и пасти, всасывающей море – однако, было у него кое – что похуже. То, что называлось отцовской любовью и недоверием. Он попросту не представлял, что именно его дочь была нужна человеку, чуть не ставшим причиной его развода. – мне правда нужна твоя дочь! Я даже не знала, кто она – мне просто сказали, где она живет, вот я и...

– Врешь, сука! Как всегда! Ты хочешь разрушить все то, что я так долго строил! – шипел Дэниэл. Глаза его были красными и безумными.

– Нет, не вру, честно! – почти кричала шепотом Сюзи. – Подумай, идиот, я же могла просто отправить письмо или найти телефон твоей жены, но не стала этого делать! Ты мне не нужен, я клянусь! Мне просто нужно кое – что спросить...

– Я не верю тебе. – уже тише сказа Дэниэл. По – видимому, рациональное зерно в ее суждениях все же было; на секунду он смягчился. Он был добряком по своей сути – но таким, что за свое собственное счастье мог и убить. Простой человек, среди наших знакомых таких куча – однако никогда мы не задумаемся, как тяжела их жизнь. – Даже если ты говоришь правду – не верю. Даже если от этого будет зависеть твоя дрянная жизнь – я не дам тебе с ней поговорить.

– Пять минут... в твоём присутствии! – чуть ли не умоляла Сюзи. Интересно, когда она в последний раз умоляла? Что происходило с колоссом Аннеты Боунс? С каких пор он стал таким... принижённым? – Хоть она и не скажет правды, но ты увидишь, что...

– Нет.

– Пожалуйста, Дэни! Я прошу тебя! – со слезами в голосе просила она. Отчего – то исчезло все притворство, исчезла надменность и полуулыбка. Отчего – то попросту исчезло в ней все то, чему имя было – Аннета. Сюзи не замечала, как, умоляя, она разрушала все то, что создавалось годами – в первую очередь барьеры, воздвигнутые в собственной душе. – Я запуталась, я не знаю... ничего не знаю! Я кажется нашла место, где бы мне могли, ну, то есть я думаю, что могли бы помочь – и только твоя дочь могла бы отвести меня в то место! Я понимаю, как тебе сложно, как ты переживал тогда, но я, я, Дэни? Мне хуже, чем тебе! И вот я умоляю тебя...

Она была слишком юна; слишком много слов для такой маленькой и глупой красотки. Она не подозревала, как изменчива человеческая суть – хотя об этом вообще мало кто подозревает; с каждой новой минутой и секундой она не понимала, что она делает. Целых два года она жила жизнью, сравнивая себя если и не с леди Макбет, то с Саломеей точно; жаль, что этих имен она, правда, так и не знала. Она играла с человеческими жизнями, опьяняя и калеча их; верила, что только в этом и проявляется ее сила. Была ли она сильной? А если нет, то что

тогда она принимала за силу? Увы и ах, мои дорогие читатели, – этот вопрос и для меня остается загадкой. Но кое – что я могу сказать точно: перемены, происходящие с ней, являлись ни фарсом, ни нелепой случайностью, даже не внезапным изгибом реки. Умоляя, она еще не понимала, что ее жизнь вступила в новую фазу – фазу Клуба достойных шлюх.

– Я не подпущу ее к тебе, и тебя к ней тоже. Никогда, шлюха.

– Но, Дэниэл, – прошептала Сьюзи с глазами, полными слез. Надо ли вам говорить, что такой он ее никогда не видел? После третьего раза он научился распознавать ее фальшь. И он видел, как сейчас она страдала, получив отказ; если бы он умел подражать ее знаменитой полуулыбке, то не преминул бы этим воспользоваться. – Как же я тогда смогу...

– Мне все равно. – сухо отрезал он. Немудрено, что он успокоился за несколько секунд; ее слезы решили исход. Он понял, что она сохранит их маленькую тайну. Неизвестно зачем, но сохранит. – А теперь убирайся. – Дубовая дверь захлопнулась прямо перед ее носом.

Она знала, что теперь ей попросту некуда будет идти, неоткуда будет брать информацию. Ее вел ее добрый Список – и куда он завел ее, жестокий? Она забыла, что умеет плакать, что умеет умолять – и, стоя возле двери Дэниэла, она всхлипывала, не зная, что же делать дальше. Внезапно все навалилось на нее – в душе творилось невообразимое. Она хотела найти этот фантазмагорический Клуб – и находила с сотню причин этого не делать. Хотела продолжить вести свою счастливую и беззаботную жизнь – и отчего – то больше не смогла. Кто же был тому виной? Что же было тому виной?

Она была шлюхой. Наивной, по – детски глупой, самонадеянной. Целых два года меняла партнеров как перчатки, перебивалась случайным сексом вкупе со случайным заработком; не мечтала – и работы тоже никакой не имела. Она увязла в этой самой жизни – в своих суждениях, мотивах и следствиях; над всем этим возвышался непоколебимый Список, который отчего – то уменьшался с каждым днем. Называйте это, мои дорогие читатели, как угодно – смятением, вышедшим за берега, кризисом, причиной или озарением – но ее уставшей душе захотелось перемен. Будто бы сквозь нее разом прошла вся та боль, что она причиняла другим; словно бы слова человека, которого она не любила, возымели свой эффект.

Она осознала две вещи: очевидную и ...странную. Очевидная состояла в том, что искать Клуб так, как это делала она – идея плохая и рискованная. С той же легкостью, с какой она принимала любое свое решение, она в душе выругалась и послала к черту Клуб достойных шлюх. Вторая же вещь вытекала из первой: отчего – то Сьюзи Доус захотелось домой, в Митчфилд, где ее с нетерпением ждали уже третий год.

Но перед тем, как уйти, она заявила о себе. О да, заявила! И пусть она всего лишь надписала на конверте из почтового ящика несколько слов. Пусть она писала карандашом для глаз, так удачно оказавшимся в ее маленькой сумочке. Пусть слова были простые – «я приходила сегодня к нему. Он изменял со мной вам леди» – однако, какой они возымеют эффект, Сьюзи даже и не догадывалась. На короткое мгновение она вновь стала Аннетой – расчетливо бросая конверт поверх остальных писем; кто возьмет его и кто увидит – уже мало ее интересовало. Это была месть, сладкая даже тогда, когда ее почти не видно – рассуждала она, покупая билет до деревушки, где и родилась когда – то. Кто покупал в тот миг билет, а кто рассуждал о сладкой мести? Кто стоял главнее – Аннета или Сьюзи? Неясно; ей даже в голову не пришло спросить саму себя, удовлетворившись или разъярившись ответом.

Дело в том, что шлюхи мало когда занимаются самокопанием.

Митчфилд

1

Зима пришла в Митчфилд спонтанно, даже слишком: сначала был сильный ветер, уносящий зажухлые листья. После – дожди и быстро тающий снег. Всего несколько дней прошло – и городок утонул в одном большом и белоснежном сугробе, похоронившим не только прошедшее, но и настоящее – и никто даже не посмел сказать слово против.

Сьюзан Доус шла по улице, а снег падал на ее темные волосы, приминая и лаская их вьющиеся пряди; ветер же шептал ей такие непристойности, которых отродясь не слышала и Аннета Боунс. Мимо пробежал Марио, повзрослевший сын ее итальянца – соседа, а лицо его являло ту беззаботную детскую радость, которую уже не встретишь на лице его сверстников из городков побольше. Он блестел, нет, сиял – и сияние его улыбки распространялось на все кругом, даруя краски ужасающе серому миру, вдохновляя его на новые свершения и уж точно отдаляющие его конец.

Митчфилд был мал, невелик, знаком в каждом сантиметре своего пространства; оттого – то Сьюзи и вздыхала, словно старуха – слишком со многим ей пришлось попрощаться, уехав отсюда в свои семнадцать лет.

Митчфилд был раем, богом и двенадцатью апостолами, перемешанными в одном флаконе – и оттого так щемил ее сердце каждый раз, стоило ей только о нем подумать. О площади виконта Беррского, например – той, на которой она стояла и дышала выхлопными газами малолитражек, или же о католическом соборе, который чета Доусов посещала каждое воскресенье. Проповедник Кристенсен говорил о Боге и о смирении в делах, о величии Господа нашего и о войнах, неугодных ему – а Сьюзи, находясь там, отчего – то скучала, отчего – то ее сердце томилось и искало приключений, сокрытых во тьме больших городов – и, не даст мне соврать никто из моих читателей, оно нашло их в большей мере, чем способно было принять.

Сьюзан Доус чуть не заплакала, выйдя из автобуса. В душе защемило что – то, что – то подсказало ей: «Ты там, где должна быть, дорогая. Это твой дом. Твой Митчфилд». Впервые за долгое время ей не хотелось ничего искать. Ничего и никого. Впервые ей захотелось сжечь свой чертов Список.

Аннета Боунс осталась в Спрингтауне, там, где осталась на распутье между Списком и Клубом. Сьюзи Доус, отсутствующая два года, пропадавшая и дремлющая внутри, наконец – то вернулась домой.

Ее узнали сразу же. Стоило ей только выйти, как женщина на вокзале воскликнула:

– Сьюзи? Сьюзан Доус?! Это правда ты? Глазам своим не верю!

И она действительно не верила. Потому что из Митчфилда уезжал совсем другой человек. Сьюзи родилась здесь, прожила до семнадцати лет. После был Майк – Мик – Митч. Потом была черная коробка, ссора, и спешное собирание сумки с вещами, сдобренного лошадиной дозой мольбы и слез. Потом с ней случилась Аннета Боунс. И вот, спустя долгое время – она возвращается домой, инкогнито – не оповещая никого, не делая из этого шумихи; отчего – то люди всегда словно бы ищут застарелых встреч: так вот случилось и с ней.

– Боже, как переживали твои родители, дорогая! – верещала грузная женщина, размахивая толстенными ручками. – Сначала переживали, а потом как будто бы забыли – но учти, я этого никогда тебе не говорила, хоу!

Сьюзен нравилось слово «хоу», служившем в Митчфилде чем – то вроде общеупотребительного «да» – она даже использовала его какое – то время. Аннете, правда, оно не нравилось – но и черт с ней, верно? Ведь рассказ не о ней. Так что «хоухоухоуХОУ», Аннета Боунс, раз-

дражайся сколько захочешь! Раздражайся – ведь тебя здесь больше нет. Ты осталась там, за въездом в город, и тревоги наряду с проблемами твоими не интересуют нас до поры до времени.

– Мисс Дорм, это вы? Ох, как я рада! – пересилив себя, закричала Сьюзи, бросаясь навстречу необъятной женщине с рыжими волосами. Раньше она даже дружила с ее дочерью, поэтому раз она начинала ломать комедию, то ей приходилось идти до самого конца. – Как у вас дела? Что у вас нового? Я так скучала, так скучала! – наперебой говорила она, пока лицо ее освещала детская улыбка. Фальшивая, неискренняя – но детская, знаете ли.

– Сьюзи, ох, Сьюзи, – приговаривала Кэсси Дорм, приглаживая ее волосы на своих плечах. Ее сумки стояли рядом – и любой воришка мог бы запросто убежать с ними, но, к счастью, в Митчфилде такое было редкостью. – Ты... ты так изменилась, кроха! Ты уже не та простушка из окраины вроде нашей, хоу, уверяю! Уже настоящей женщиной стала, кроха Сьюзи Доус! Ты... поверить не могу, что ты вернулась! Нагулялась, верно? Меня не проведешь, хоу, по глазам вижу...

Про себя Сьюзи подумала мрачно, что толика истины была в словах Кэсси Дорм. «Нагулялась». Как мало и как много в этом слове, что вырвалось из ее необъятного рта. Она бы готова была произвести необходимый расчет и анализ того, как сильно это слово отображало ее суть; почти уже начала, как Кэсси прервала наклеивающуюся меж ними паузу. Она молча улыбалась и кивала головой, ожидая ответа от Сьюзи – но та, без особого сожаления, прослужила заданный ей вопрос. Но Кэсси не отчаялась.

– Н... нда, хорошо. Ты... так похорошела! Наверняка твои родители удивились, когда...

– Нет, мисс Дорм, я только с автобуса и они пока...

– Как? – изменилась в лице Кэсси. Толстая рябь ее кожи даже содрогнулось, когда она удивленно распахнула глаза. – Еще нет?! Тогда беги домой, хоу, беги домой, дурочка! – отстранила ее Кэсси, грозно заглянув ей в лицо. – И расцелуй своих родителей тут же, как увидишь – могу поклясться, что они ждут этого уже который год!

К своему великому удивлению, Сьюз улыбнулась. Она стояла и улыбалась этой женщине, престарелой и толстой, в некоторых местах даже отвратительно толстой – но улыбка ее была честна даже перед самой собой. Она ни за что бы не поверила в это раньше – но именно в тот миг она поняла, что любила ее – любила так, как и всех соседей, родных и знакомых, тех, с кем она вместе росла и тех, на кого так старалась стать похожей во времена ее беззаботной юности! И пусть ей было всего девятнадцать – но мир уже был разделен на этапы и секции, где Митчфилд был не только точкой отсчета – но и чем – то с отливом счастья и щемящей ее сердце грусти, тем, о чем многие предпочитают забыть. Митчфилд был ее домом – всего лишь домом.

Она удивлялась своему противоречию. Встретив эту женщину, старую, безобразную, она хотела поскорее от нее избавиться. Но то ли особая митчфилдская атмосфера, то ли солнце, показавшее всего на мгновение свой ослепительный луч, сыграли роль – ей отчего – то захотелось никуда не уходить с этого места. После двух лет случайности и порока, после грязных мотелей и ослепляющих в ночи фар ей наконец – то улыбнулась удачи. Теплота была повсюду – в объятиях, взглядах, оханьях и аханьях этой женщины; а ведь прошло всего только с полчаса после ее приезда. Это было схоже с мнимой сентиментальностью, на поверку оказавшимся настоящим чувством; пусть и сокрыто оно было тем глубже, чем считала она, забывая привычные для взора снежные поля.

– Рада была повидать тебя, Сьюзи! – улыбалась мисс Дорм, пока Сьюзан стояла и почти даже смущалась. – Твои родители будут так рады тебя увидеть, так рады! Твоя мать только и говорит, что о тебе, хоу, говорит... и вот ты здесь! И я говорила и думала, и твои друзья – Мела вообще часами тебя вспоминает, хоу! Вы ведь были такими подругами, что...

– Самыми лучшими! – улыбнулась Сьюзи, немного покривив душой. Мела Дорм была жадной и завистливой девочкой – еще более одинокая в то время, чем сама Сьюз, однако хорошая. Открытая. Честная во всем, кроме самоанализа. Но нельзя же об этом говорить ее матери?

Впрочем, от этой маленькой лжи никому не стало хуже. Просиявшие глаза Кэсси говорили то же самое. – Я обязательно зайду к вам, принесу свои...

– Глупышка, зайди – ка сначала домой, хоу, – весело произнесла Кэсси Дорм. – а не то я не пушу тебя за порог! – и, раскинув руки, чуть ли не набросилась на нее, расцеловывая ее в щеки.

А, попрощавшись, Сюзан Доус отправилась домой.

Зима подкралась в Митчфилд незаметно. Хлопья снега падали с неба, шелестящий пепел и скорбь былой синевы, пока девушка из большого города шаркала ногами навстречу нарастающему под вечер ветру. В ее мыслях больше не было лета и лугов, Клуба и Списка, 38 ее бывших и еще с десятков возможных новых, Аннеты Боунс и торжества бесклубной шлюхи в поисках сокровенного, того, за что можно было зацепиться. Вспоминала ли она о доме за те годы, что провела в Спрингтауне? Нет. Лишь суматоха и пыль, пороки и сон, перетекающий в разноцветную явь. В ее мыслях не было ничего – ни планов, ни расчета, ни хитроумно запланированной пьесы, которую бы она разыгрывала перед людьми. Ничего. Лишь умиротворение – да белые хлопья, падающие на ее улыбающееся лицо.

Вот ей на щеку упала снежинка. Холодная, обжигающая – та, что знаменовала собой начало целой бури, той, которую встречаешь с улыбкой, обернувшись по направлению к ветру и распахнув в разные стороны руки. Снежинка таяла, а Сюзан жмурилась – жмурилась и улыбалась, ведь в душе ее этот загадочный снегопад не прекращался с того момента, как взор остановился на первом знакомом здании городка. Сюзан приехала домой – и не было в тот момент никого счастливей! Потому что на белом свете была лишь она – Сьюзи, Аннета, человек, да как угодно. Ее волосы развевались на ветру – а душе хотелось запеть.

Родители сначала не поверили – а после тоже засыпали ее бурей; правда, уже поцелуев.

2

– Почему я такая идиотка, Эрик? – пьяно плакала спустя вечер Сюзан, обнимая своего лучшего друга и не испытывая ни малейшего наслаждения от столь близкого присутствия его почти сильных плеч. – Как мне жить... жить теперь со всем этим?

Эрик был старше ее. Ему было двадцать три – и в глазах женщины, бывшей некогда влюбленным подростком, – он навсегда оставался старшим товарищем, объектом иссыхания и страстных ночей под пуховым одеялом. Давно это было! Но теперь все было немного иначе – прошло, словно сходит талая вода. Он знал ее с детства – и она не знала никого другого, кто бы мог помочь ей разобраться со всем этим, накопившемся, тянущем ее вниз. Она доверяла ему все свои страшные тайны – и он никогда и никому не говорил их, даже перебрав спиртного через край; словом, Эрик был парнем порядочным – и никогда не делал даже попытки перевести их дружбу в разряд чего – либо совершенно иного.

Эрику было двадцать три. Он писал, по его же словам, «отвратительные романчики и повести», был нигилистом или кем – то там еще, тем, в кого особенно легко влюбиться, когда тебе едва исполнилось девятнадцать лет. Но Эрик был другом. И теперь, сидя в набитом доверху людьми домике какого – то доброго человека, Сюзан изливала свои мысли, запивая отвратительным кубинским ромом. Со стороны казалось, будто ему все равно. Сидел, уставившись в пол. В его голове немного шумело после двух или трех стопок; историю своей внезапно вернувшейся подруги он слушал уже в третий раз.

– Я... я смотрю на свою жизнь и говорю себе: эй, прекрати вести себя как шлюха, ты же хорош... – ик! – хорошая девочка, Сьюзи! Ты достойна быть любимой и любить, а они, они все... я не знаю, почему та... – ик! – почему так, Эрик! Я могу добиться успеха, могу любить и быть любимой, а мне уготовано спать с этими старыми... всякими. Запуталась теперь, приехала, не думала совсем, а тут напилась... – ик! – ...и все снова в голове!

Монолог шел по третьему разу. В первый раз Эрик промолчал. Во время второго решил выпить и он. Кое – что из этого было ужасно ему не по нутру – но разубеждать ее он даже не пытался. В конце концов, это он притащил Сьюзи на эту вечеринку, это он пригласил всех ее старых друзей и знакомых, и, черт, это же он рисовал зеленую вывеску на плакате! Плакат гласил: «Мы заждались, малышка Сьюзи». Стоит ли говорить, что все пришли на ту вечеринку? Но для нее это ровным счетом ничего не значило: все эти друзья были друзьями скорее Эрику, нежели ей.

Он любил Сьюзи – по – своему, конечно, но любил. Сердце сжалось, когда он слушал это в первый раз; в последующие было уже проще. Он знал что сказать, знал, как помочь – однако что – то подсказывало ему, что момент был совсем неподходящий. Вот он и пил, пожимая плечами – трезвость была лишней в такого рода признаниях; пусть даже и ушел он не так далеко от той самой трезвости.

– Эрик, Боже, я спала с ребе... – ик! – ...нком! Он был палестинцем, или арабом, или евреем, быть может, но мне было все равно, – продолжала Сьюзи, разглядывая свое отражение в бутылке. – Он был последним у меня, а я... не смогла. Отказаться, знаешь, ... – ик! – ... и подумать до того. Ну, как вела его к себе. Понимаешь, кто я? – горько спросила Сьюзи, качая головой. – Я вот нет. Мне страшно становится, Эрик, когда я смотрю на себя со стороны! Страшно и паршиво – но продолжаю, черт... и не знаю, как мне жить дальше и зачем и для чего и для кого – я может хочу любить и быть....

– Достойна, Сюз. – подсказал Эрик, переводя взгляд с пола на стену. Сьюзи удивленно посмотрела на него; последние полчаса говорила лишь она. Он кивком попросил ее продолжать. Не забыв при этом громко икнуть, почти так же, как и его подруга – надеялся, что она

не будет чувствовать себя среди тех, кто избрал своим жизненным кредо двенадцать шагов. Ну, или больше.

Она не придавала этому особому значения. Что и говорить – пьян он или нет, ей было по сути плевать. Но и думать ей было некогда – поймав его взгляд, она продолжила.

– Да, да. Я... я ведь была счастлива, веришь?

Горькая усмешка, и поджатые губы в полутемной комнате какой – то молодой особы.

– Счастлива, как никто. Когда они... – ик! – ...смотрели на меня так, знаешь. Как на королеву. А не на рабыню, которая вытирает пыль, они на меня... не боялись смотреть. А теперь мне стало страшно. Чем больше пью... ты понимаешь, да?! В душе я до сих пор боюсь, увидеть себя, знаешь, Эрик, увидеть и не узнать! Вижу себя снаружи и не понимаю, что внутри. Ха! – закатила глаза, которые, впрочем, и не смеялись. – Это больно. Никто не знает, никто не любит... только ее, за ее фигуру и взгляды и улыбку и, знаешь, за...

– Эй, тише. – попытался прервать ее Эрик, видя, как она все больше распаляется. Было даже глупо надеяться, что эта попытка возымеет эффект; как не можем мы остановить катящееся со склона колесо, так и мужчине сложно остановить разохотившуюся до пьяных слов женщину.

– Была счастлива почти два года, дурак, пока сюда ... – ик! – ...не приехала! Тут ты, и... а, ладно. Пью вот и не понимаю, почему. Не понимаю, кто пьет и чего он хочет! Зачем? – пьяно посмотрела на него со злобой. – Зачем, Эрик? Я была та – а—ак счастлива, Эрик! До этой вечери... – ик!...нки, до этого рома и тебя, друга моего проклятого! Зачем, Эрик? Зачем? Скажи мне...

Он молча пытался заглянуть ей в глаза; бледную синеву скрывала пелена чего – то таинственного. Наверняка женского – куда ему, с его мужской прямоотой и мужской же логикой соваться? Она смотрела на стену, на пол, изредка переводила взгляд на потолок; под зрачками он видел красные прожилки, что знаменовали собой предслезное состояние, коего в своей жизни он насмотрелся. Вопрос повис в воздухе – но он очевидно был: Сьюзи перестала производить, но одними губами шевелила простое слово, даже слишком простое в этой выкрашенной в темно – розовый цвет комнате. Словом этим было одно, странное: «Зачем». Эрик на секунду задумался, как глупо оно звучит – но тут же спохватился. Попытался что – то объяснить ей; получалось плохо. Она попросту не слышала его – как де Гойя наверняка не слышал тех людей, что винули его холсты. Не искала исцеления, и, наверняка не читала псалмы Исаии о божьем всемогуществе; ее безразличная глухота даже возвышала ее в этой комнате. Жаль, что она не понимала скрытых смыслов – скорее всего, она напилась настолько, что попросту прослушала его жалкие потуги к разговору.

Разрывалось ли у него сердце от увиденного? От осознания ее дьявола, бывшего молчаливым третьим собеседником в этой прожженной насквозь тишиной комнате? Наверное, нет. Разумеется, это страшило его. Но не так сильно, как должно было; при всем при том Эрик Бекс оставался человеком хорошим, даже очень. Когда после того случая она исчезла, он чуть ли не впал в отчаяние. Опрашивал всех знакомых – а после, удрученный, закрылся у себя в комнате. Так справляются ли сильные? Неизвестно. Он искал ее по окрестностям спустя всего две недели, обзванивал потенциальных знакомых, что могли ее приютить, даже чуть не начал частного детектива, а потом... смирился. Да, смирился! В один день просто решил думать о чем – то другом. И жизнь, как бы безумно это не звучало, продолжилась; но в ней больше не было Сьюзи – так банально и просто, словно бы никогда и не было вовсе.

Но спустя некоторое время она продолжила. Слезы стояли в ее глазах, а голос был глухим, словно бы доносился откуда – то снизу.

– Я... думала, что, спра... – ик! – ...справлюсь, что не будет всего этого, – качала головой бедная Сьюз, а ее слезы уже капали на ее же колени. – что не плакать мне придется рядом с тобой, дорогой мой... – ик! – ...друг.

Он запротестовал, но она не слышала. Продолжала, неся только одной ей понятную мысль.

– Черт, я даже посмотреть на тебя не могу – лишь догадываюсь, слуша... – ик! – ... слушаешь ли еще меня или просто спишь. Я... а, к черту. Неважно. Я приехала сюда, потому что достало меня все это, нашла там что – то, а потом не вышло, и вот я дома, но я не понимаю, не понимаю, не... – ик! – ... понимаю! Я... мне не следовало сюда. Не нужна я никому, Эрик, никогда, просто здесь я надеялась будет...

Она уже чуть ли не захлебывалась своими слезами. Он не знал, о чем она, не подозревал, как сильно и как долго терзала свою душу этими бессмысленными и бесконечными вопросами; по всему получалось, что он, Эрик Бекс, отчего – то был к этому причастен. Это осознание пришло к нему сквозь ее слог: он был Меценатом, возвышенным, добрым и отчего – то жестоким, она же была поэтессой, что не глаголом жгла разум его, но пьяным бредом. Что же, с этим можно было смириться – античные методы попросту устарели; день и вино уже никем давно не котировался. Виски, ром или водка, одобренные таинством ночи – вот чему отдавали дань все великие и пропащие времени Эрика Бекса.

Он преодолел расстояние в два шага за мгновение и обхватил его плечи. Она склонила голову и звучно хмыкала, пока он шептал ей. Теперь она слышала, почему – то решил он. Сьюзи не смотрела на него, лишь изредка кивала головой. Он говорил следующее:

– Эй, эй, Сюз, тише, тише. Я тут, здесь, рядом, слышишь? Вот моя рука, которая обнимает тебя. Она настоящая – и черт бы меня побрал, если бы и ты не была такой же настоящей! Сюз, эй, Сюз, слышишь, – кивок головой. – мы справимся со всем этим. Как все те годы справлялись. Как я поддерживал тебя, помнишь? Всегда рядом был, да, и сейчас тоже. Ты запуталась. Черт, конечно, так, как никогда прежде – но ты приехала сюда. Не к семье, ко мне. За советом и за будущим, Сьюзи! Эй, Сью – юз, – потормошил ее Эрик. Она качнула головой. Во время его речи она только и делала, что кивала и икала – такова была ее судьба в этот наполненный алкогольными парами и признаниями вечер. – я все еще здесь, видишь, нет? А ну, чувствуешь? Так вот, не нужно. Всего этого тебе не нужно. Тебе нужно спать и видеть розовые сны, вроде тех, что были раньше. Полезла, глядите. В самую грязь. Знаешь, Сюз, – продолжал он. – я бы никогда не поверил прежде. Если бы ты даже такое выдумала. Но ты... ты же не выдумываешь, нет? – Слабый удар по ноге означал отказ; Эрик улыбнулся. – Узнаю тебя. А то приехала тут какая – то девушка и утверждает, что спала чуть ли не с каждым в другом городе. Я ей не поверил. А вот теперь вижу, что ты запуталась. Сюз, слушай меня, прошу, ты слышишь? Тебе правда нужно спать. – Она икнула, что, впрочем, нельзя было принять за ответ. – Поспи, а завтра все обсудим. На трезвую, да. Я тебя выслушаю, потому что хочу, правда! Ты все мне расскажешь и мы примем решение. Да, верно? Как всегда принимали, как раньше. Ты же за этим приехала, знаю, за этим. Эй. Сьюзи Доус, ты слышишь...

Она слушала его очень внимательно, хоть и виду не подавала никакого. Этот ровный голос, эти теплые руки... те атрибуты лучшего друга, что вступают в дело в самом нужном месте. Если бы у нее было развито воображение, то она сравнила бы понятие Эрика Бекса с понятием оркестра: его голос, руки, разум были лишь музыкальными инструментами, вступающими в определенный момент и протягивающие свою, отличную от других партию. Тогда как сам Эрик был дирижером – ловко владея ситуацией, подключал то один, то другой инструмент. Сейчас было время для виолончели – и своим голосом Эрик доказывал несхожесть этого инструмента со всеми прочими.

– Плачешь, сидя в чужой комнате, на вечеринке в честь тебя. Да уж, Сюз, – ты слышишь? Те ребята внизу удивятся, когда ты, заплаканная, сбежишь. И я, и я, Сьюзи. Слышишь? Тебе же всего восемнадцать...

– Деятнадцать. – тихо поправила она.

– ...девятнадцать, а не восемьдесят. Чего грустить и убиваться? Знаешь, я завидую. Принять это все... и приехать домой – это здорово. Ты пересилила себя и свои обещания, хотя мне больше кажется, что переросла. Я горжусь этим, Сьюзи, слышишь? – честно сказал Эрик, смотря на стену.

– Я-ничтожество. – прошептала она, вперившись взглядом в то же место, что и он.

После этого они сидели молча какое – то время. Минут десять или пятнадцать – но на поверку они чуть не прожили целую жизнь, молчаливую, позднюю. Они сидели недвижимо: она, прямо на полу, с глазами, опухшими от слез и он, обхвативший ее руками и размышляющий о том, как это молчание прервать. Двое старых друзей в паутине сомнений, сплетенных вокруг них в тугую нить – надеясь, что эта нить не окажется удавкой.

Она только спросила:

– А я... – ик! – ...я похожа на героиню одного из твоих романов, Эрик?

Поразмыслив, он честно ответил:

– Только если самого худшего из них, Сьюз.

3

– Тебе здесь не нравится, Сюз? – спросил Эрик заботливо, вырывая ее из собственных мыслей, словно бы рыболов вырывает рыбу из привычной ей среды. Уже в третий, к слову, раз.

– Да нет, почему. Милое место. А она что, похудела? – спрашивает Сюзан, указывая пальцем на Розу, хозяйку и главного повара своей же закуской.

– В Спрингтауне другие понятия о зрении или что? Боже, она же стала еще больше, – улыбнулся Эрик. – Но я вообще не об этом. Здесь, в Митчфилде – тебе как будто не нравится. Нет, я помню все, и все понимаю, но... – Он на секунду замялся. – сидишь тут вся в своих мыслях, хотя договаривались все спокойно обсудить. Ты же не здесь, Сюз – а где – то там. Жаль, что не знаю, где.

– Да здесь я. – Помолчав с пару секунд, ответила Сюз. – Просто не знаю. Честно, не знаю, где я. Отвыкла от всего этого – от посиделок в кафе и искренности, от кофе и знакомых лиц. Тут слишком... тихо, слишком спокойно. Я не знаю, что говорить, так, чтобы не услышали. Не знаю, как сказать все это, и... и, – она поморщившись, подбирала нужное слово. Эрик не удивился, когда у нее не вышло. – а, к черту. В общем, здесь все по – другому – и я не знаю, хорошо это или нет.

– Там зато жизнь кипит, в отличии – то от нашей провинции, – усмехнулся Эрик. – в отличии от этой деревни. Не понимаю, что ты там нашла. Почему уехала именно туда – ведь существуют сотни других, а ты выбрала этот засушливый, пыльный клубок грязи. Разве там твоей душе спокойнее? Брось ты! – раскрыл широко глаза он. – Знаешь, Сюз, я бы на твоём месте тут бы и остался. Правда остался бы. Не думал бы хоть раз в жизни о том, что будет дальше – а остался бы, наплевав на все. Ты же родом отсюда. Это же дом твой, глупая. – Уже мягче сказал он, снова улыбнувшись. Сюз с нежностью подумала о том, что он действительно был хорошим человеком. – Но, возможно, я говорю глупости. Это же я. Я, например, люблю это торжество зимней стужи – хоть и примерзал пару раз губами к бутылке, да. Здесь классно, по – настоящему. Я был в Брэддли, Мигнайте, Досселайн-Спрингс, но здесь, Сюз... это сложно объяснить. Митчфилд завораживает. Меня, по крайней мере.

Сюз, всегда относившаяся к Митчфилду более чем равнодушно, немного удивилась. За все годы знакомства с Эриком они не разу не обсуждали свой дом – глупостью ли было это или молчаливым соглашением? Неясно; однако сейчас она слушала, напрягая свой слух – потому что нет ничего для человека важнее, чем узнавать что – то новое о том, о котором, казалось, ты знаешь все.

– Действительно? И давно ли, Эрик? Раньше я такого от тебя не слышала никогда.

– Ну, да. Разве я не говорил? Странно. Так вот, Митчфилд. Он... он прекрасен, на самом – то деле. Я не уверен, что твое решение было напрямую связано с отъездом, но, слушай, – разве тут ты подобным занималась? Здесь бы этого попросту не случилось. Жила бы сама по себе, влюбляясь и тихо угасая. Но это было бы не потому, что здесь плохо – сама же знаешь, что нет. Здесь, – Эрик сделал паузу; про себя Сюз отметила, что этот монолог он наверняка готовил заранее. Точно сказать она не могла – из друзей – писателей у нее был только Эрик: вполне могло быть так, что они разговаривали как литературные герои и в повседневной речи. – Здесь все по – настоящему. Нет трагедий и комедий. События – слишком незначительны для взора, ...«и город этот рад, что он живет». Вот ты мне про свой этот Спрингтаун рассказывала, про список свой и этот клуб – а у нас такого нет. И не потому что мы несовременные или глупые, даже не совсем деревенщина – просто нет такого, понимаешь? У нас если какая девушка переспит с тридцатью восемью мужиками – ее же в смоле обваляют, да сожгут, так что... так что хорошо, что ты уехала до этого момента.

– Тридцать шесть. У меня было две женщины.

– Сожгли бы тем более. Знаешь, Сьюзи, – продолжал он, бросив взгляд на ее улыбку. Настоящую, не ту, о которой он не знал; полуулыбки шлюхи из Спрингтауна не было на ее лице уже несколько дней. – я понял это не так давно.

– Ты уехала, а я же... стал проводить гораздо больше времени один. На улице, знаешь, на воздухе – там ко мне и приходило это осознание. Меня успокаивало все окружающее меня – люди и дома, клены и снег, холодное лето и снежные зимы. Вот я и решил, что ты тоже такая, а ты... сидишь тут в своих мыслях, думая о чем – то наверняка неинтересном.

– У меня вообще – то жизнь тут запуталась, друг.

– И кто этому виной? Ты не видишь ничего вокруг. – повысил голос Эрик. – Не видишь, как прекрасен Митчфилд, и как прекрасны люди вокруг. Черт, ты же в церковь ходила, помнишь? Сидела в двух рядах от моей семьи и те же псалмы и песни пела – и вот уже сидишь сейчас напротив, сожалея о годах. В девятнадцать, Сьюзи! Я вижу о чем ты думаешь – твои мысли тебя выдают. Знаешь, я, как почти половозрелый мужчина, могу быть бесконечно неправ, но я знаю твои мысли. Чертов клуб и чертов список, верно?

– Но не будем об этом – твои мысли на то и твои: мне – то они зачем. Я дома, Сьюзи – и я счастлив, понимаешь? У меня есть амбиции и планы. Я почти дописал свою книгу, чтобы после попытаться ее издать. У меня есть дом, в который я возвращаюсь, когда мне грустно – сплю там, ем, ну, знаешь, как это бывает. У меня есть цель, а Митчфилд является средством! Вот о чем я толкую, Сьюзи Доус, вот о чем... – почесал он в задумчивости голову, отвлекаясь. – а ты думаешь о чем – то другом, сидя в кафе со своим лучшим другом. Знаешь, как...

– Подожди. – слабо улыбнулась она. Ненависть прошла, а нежность вернулась. – Отложим. Ты говорил о книге. Так и пишешь этот бред?

– Да, разумеется!

– Не понимаю тебя. Правда, не понимаю! – мягко перевела она тему. Она знала, что его самолюбие возьмет верх: о себе и своем творчестве говорил он много и всегда с удовольствием. – Экзотические страны эти, то Мексика, то Россия, то Боливия – мог бы ради приличия и про Англию написать. Не в девятнадцатом же веке живем – все и так все про эти страны из интернета знают. Темы эти, Эрик... странные. Ни разу ничего знакомого – полкниги со словом, разве это дело? Тебе не хватает чего – то. Чтобы цепляло, так, прямо за горло, знаешь? – она очень убедительно скривило лицо и сомкнула на шее руки; он засмеялся, а у нее на душе было паршиво. Весь этот разговор с домом оставил неприятный осадок – но она отложила на время эти мысли. Будет думать позже, как обычно – не плача, а сокрушаясь, так, как делала всегда. – Нет сопереживания. Этого, как его...

– Катарсиса? – Она скривила лицо; не угадал. – А чего тогда?

– Не знаю я! Не веришь твоим героям – слабые и бесхарактерные они. Слишком много сомневаются и плачутся, не принимая никаких решений. – уверенно проговорила Сьюзи, будто бы действительно в этом разбиралась. – Настоящие же люди не такие. Они даже когда плачут...

– Нет, Сьюзи, ты не права, – ошетинился Эрик, немного посуровев. – причем довольно сильно. О каких людях ты говоришь? Ты знаешь тех, кто не сомневается? Познакомь. Валяй, давай! Мои герои сильные своими слабостями – так, как и в жизни. Они ошибаются и сокрушаются, бредут и ... – он повысил голос. Почти кричал, скривившись.

– Эй, слушай, я не хотела... – изменившись в лице, попыталась перебить она.

– ...и в этом все их величие, разве нет? Люди не такие! Вы поглядите! Кто не такой? Ты, может? – понемногу закипал Эрик, наливаясь краской. За годы отсутствия Сьюзи совсем забыла, как ревностно он относился к себе и своему творчеству. В плане творчества он был настоящим диктатором – она всегда думала, что все его проблемы из – за нереализованных возможностей; старалась избегать споров с ним, но иногда забывала. – Ты, приехавшая и заплакавшая, увидев меня, Сьюзи? Ты, которая уехала, как только появилась та коробка? Боже, Сьюзи!

Люди – именно такие, всегда были такими и такими будут! Они слабы, но велики – убедись сама, посмотрев в зеркало! Ты забыла, да? Забыла, Сьюзи, как...

– Эрик, прошу, давай не...

– ...разве сложно? Ты, глупая, даже не представляешь всей ситуации, не видишь выходов, не ищешь решений! Зачем ты вернулась, Сьюзи? Ты не собираешься прекращать ту дрянную жизнь – просто тебе так захотелось, и ты даже не подумала, почему! – бушевал он. – Не ищешь решений, хотя они и есть, они рядом, только руку протяни, но нет, не тянешь. Ставишь на весы клубы и списки, хотя надо было поставить две своих жизни – и выбрать наконец! Тебе девятнадцать, черт, а ты мечешься между грязью и тем, чего не существует, хотя давно могла бы...

– Эрик, я умоляю, Боже, пожалуйста, не здесь, я прошу – протянула сдавленным голосом, полным отчаянья, Сьюзи. Она заметила, как женщина, сидевшая в углу и раньше их не замечавшая, покачала головой, метнув в нее взглядом, полным осуждения. Она слышала краем уха, как шептались позади нее. Она со слезами на глазах видела разъяренного уже друга, что чуть ли не кричал, окончательно покраснев.

– Боже, выбери наконец! Вернись, Сьюзи, насовсем и навсегда, женись и живи своей жизнью, а не теми остатками, дура! Ты можешь... можешь все и прямо сейчас, хоть свой здесь клуб открой, Сьюзи! Где, скажи мне, где теперь моя подруга? Здесь или нет? Кто сидит передо мной, раскаиваясь в настолько ужасных вещах, что я уже второй день не могу отойти от этого? Эй, Сьюзи, послушай, прошу, – дрожащим голосом кричал он, зачем – то схватив пустую чашку в руку. Он не слышал, что кафе замолчало окончательно – все внимание было приковано лишь к ним двоим. Она не слышала, как билось его сердце – но ее чуть ли не остановилось в тот миг. Она чувствовала подступающие к горлу слезы.

– Что ты там устроил, ты...

– Клуб достойных шлюх передает вам привет! – бодро сказал ей ряженный и что – то быстро всунул в ее руку. Она ошалело смотрела на него, силясь что – то спросить; впрочем, ряженный и не думал с ней разговаривать. Широко улыбнувшись, он перешел дорогу и направился к дому Доуксов. Подойдя к почтовому ящику, он что – то бросил и им, после чего схватился за велосипед Билла Доукса, милого мальчика, который никогда не убирал за собой свои вещи.

4

«Уважаемая Аннета Боунс!

Пишет Вам некто, кто в Вас безумно заинтересован – не Вашими подвигами (коих, по рассказам, и скопилось немало), но Вашей судьбой, предшествующей этому письму и последующей после прочтения. Я пишу Вам от руки, пока тусклое мерцание канделябров освещает чистый лист – совершенно забывая о своих благородных уилкморских манерах, бездарно растерянных в предместьях Марселя и Монреаля; но речь, впрочем, совсем не о них.

Меня называют разными именами, броскими и не очень, предельно низменными и благородно высокими; приписывая мне почти мифологические свойства, меня приравнивают к Великим только лишь именем – и не подозревают, насколько эти имена не отражают моей скромной сути. В среде рабочих и моряков я зовусь Великолепной Карлой, среди аристократов я – мадам Сореньи; для Вас же, Аннета, я исключений и особых поводов делать не буду. Мое имя – Карла Сореньи, и я выступаю от всего лица Клуба достойных шлюх

Разберемся же с именами окончательно – для Вас я Карла, для меня, Вы, Сюзан – Аннета Боунс. Я прекрасно осведомлена Вашей биографией и история Ваша (увы!) представляется мне не такой, хм... богатой, мисс Доус, не такой интересной. Другое же дело Аннета – богиня и дьяволица в одном страдающем теле, цыганка моей страстной молодости, ищущая золота в неостывшей постели мужчин! Я, женщина благородного воспитания и натуры, полной неги и снежной карусели событий, преклоняю перед Вами свои колени, уступая и моля дочитать это письмо до конца.

Если Вас еще моя манера письма не заставила расцарапать себе лицо в припадке бессилия и наваждения псевдовикторианским слогом (про нрав Ваш, горячий и пылкий, я наслышана, уж поверьте), то это уже что – то да значит, Аннета!! Значит нашла я собеседницу по вкусу и подобию своему; впрочем, это стоит отдельного разговора при нашей скорой (я надеюсь!) встрече.

Я знаю, что Вы знаете про Клуб. Мои люди передают мне все новые сводки, в которых Вам так наверняка понравилось мелькать.

Но ни я, ни тот достойный джентльмен никогда не скажут Вам адреса Клуба, как бы дорого это не стоило. Вы должны найти нас, моя кроткая и милая новоиспеченная подруга.

Найдите его. Найдите, и уверяю – это перевернет всю Вашу бессмысленную жизнь, станет точкой отсчета и начала начал. Вы нужны нам – но сидя у себя дома, в Митчфилде, Вы никогда ни на шаг не приблизитесь к просветлению, моя дорогая особа! Вам нужно ехать обратно, в Спрингтаун, и устроится в одно место. Да, мисс Боунс, я говорю про работу.

Вы будете смеяться или же не верить – но путь в Клуб заказан далеко не каждой жрице любви, и Вы, я надеюсь, скоро в этом убедитесь. Мы ищем лучших – чтобы, изучив, вознести к небесам – и даровать Слово наше во все возможные сферы мелочной жизни! Став членом Клуба, Вы больше не будете одиноки – и жизнь Ваша изменится самым что ни на есть натуральным образом.

Но я отвлекаюсь. Увы и ах – это сокрыто в самой моей природе, и с годами, к сожалению, не проходит! Вы обязаны вернуться, дорогая. Не мне и не Клубу – но обязаны себе!

Возвращайтесь в Спрингтаун, Аннета! Найдите там работу, любую – мойте полы или выдавайте талоны парковки, – для Клуба нет никакой разницы, моя дорогая. Вы должны работать на этот мир, – а вступив в Клуб, мир начнет работать на Вас – и в этом есть моя правда, которой верит не один уже десяток человек. Мисс Боунс, езжайте и ждите, пока с вами свяжутся – ведь если Вы читаете эти строки, то можете смиренно полагать, что мой человек, Тенн, всегда найдет Вас (уж работа у него такая!). Ах да, и запомните – никаких больше половых связей. Вы должны принадлежать Клубу достойных шлюх, не иначе. Если Вы вернетесь,

то запомните – никакого секса. Не растрачивайте свое тело и свою душу на тех, кто негоден Клубу, Аннета Боунс. Позже я объясню Вам, что происходит у нас да как.

Мы не секта, не подпольное агентство по продаже дам на ближнее зарубежье, мы даже не джентльменский клуб в привычном для него понимании, моя милая. Мы – огонь для умирающей птицы, не подозревающей еще, что ей предстоит стать фениксом; мы – жизнь, свет, надежда, Аннета. Через мой Клуб прошли многие – и не пожалела еще ни одна.

Вы скажете, что это глупость. Ваши друзья скажут, что это глупость. Мириады пустоголовых пустобрехов скажут вам данную мысль – но Вы-то, Вы, Аннета? Вы в свои девятнадцать лет добились такого, о чем другим и мечтать не положено – и если только решитесь... если захотите...

Вы станете лучшей из всех нас, дорогая.

Не рубите с плеча – подумайте, в чем тогда смысл, если не в этом?

В Спрингтауне Вас найдут через какое – то время. День, неделя, может даже год – но мы придем к Вам тогда, когда Вы будете наиболее в нас нуждаться. Клуб никогда не исчезает насовсем.

«Люди ценят тех, кто возрождается из пепла»

Карла Сореньи.»

Она перечитывала письмо уже в третий раз. Тот человек уже давно скрылся в пелене снега, Эрик безуспешно пытался дозвониться ей на сотовый, а митчфилдцы уже давно вернулись домой, счастливо расцеловывая своих домашних. Времени прошло уже прилично – она думала и читала, а после снова думала. Митчфилд, манящий и желанный, в одночасье стал плоским и серым – таким, каким в сущности и был; только теперь понятие дома растянулось, разветвилось и размылось, так и не дойдя до смысловой точки.

Она была глупой. Глупой и маленькой. Только увидев надпись, порвала конверт и начала жадно вчитываться – даже почти все поняла. Когда она кончила, таинственного почтальона уже не было рядом: шутка ли, но рядом вообще никого не было. Она стояла одна под хлопьями падающего снега, закрыв глаза и беззвучно крича от разочарования, злобы и боли, которая ее наполняла. Потому, что конверт не внес ясности – а только сильнее все вокруг запутал.

Она вернулась домой, а родители поинтересовались, как дела у Эрика. Напустив на себя улыбку, она соврала своей матери, зная, что ей так будет спокойнее – вообще, после того случая двухлетней давности она не видела в своей матери терпеливого собеседника; никому же от этого не было хуже. Ей захотелось уснуть только затем, чтобы проснуться новым человеком – и, как обычно это бывает, сон все к ней не шел. Справедливо или нет – но она пролежала без движения несколько часов, иногда вставая и перечитывая отдельные фразы. Она была недвижимая, но внутри нее происходила борьба, та, которая всего важнее на этом свете. Бой разгорелся не на шутку – ведь на кону стояла душа Сьюзи Доус.

Предрассудки? Амбиции? Желания? Что это такое, по – вашему – пустота названий и слов, которыми оправдывают себя слабые, или же действия сильных, сокрытые в подсознании? Я не знаю, мои дорогие читатели, – а уж она и подавно. Она хотела быть дома, с Эриком – и жгуче мечтала о таинственном Клубе, что вновь послал ей весточку. Она хотела ходить в церковь и за продуктами, располнев как Кэсси Дорм – и ненавидела всю эту фальшь, что в Митчфилде называют образом жизни. Она мечтала, она хотела, она...

Я повторяю для тех, кто вдруг стал забывать, мои глубокоуважаемые читатели, – она была просто маленькой и глупой девочкой. Она хотела прожить свою жизнь так, чтобы никогда не оборачиваться назад – а уж если обернуться и приходится, то только для улыбки; никак не иначе.

Она ехала в автобусе обратно в Спрингтаун, не забыв, впрочем, о том, что оставила, как она считала сама, навсегда. В наушниках играли «Соники», за окном кружил снег, а в кармане куртки лежал порванный фиолетовый конверт. И когда сомнения, воспоминания и здравый

смысл все же брали над ней верх, она просовывала руку в карман и легонько дотрагивалась до рокового письма, словно бы вспоминая, для чего она все это делает.

За пятичасовую поездку ее рука скользила в карман двадцать четыре раза.

Предприниматель

1

Сэмюэл нервничал, просматривая телефонные счета. Нервничал, рассеянно играя в покер с друзьями. Нервничал, стоя возле кофе – автомата на работе. Нервничал постоянно – а всему виной был, по – видимому, ранний кризис среднего возраста и его новая подчиненная, Сьюзи Доус.

Она ворвалась в его жизнь внезапно, взбудоражив его фантазию. Она была молодой, даже слишком. Была ли она желанной? Еще бы. Ее полуулыбка и тонкие руки, белые блузки и черная юбка – карандаш – все это вторгалось в его фантазию бестелесным фантомом, задирая и растворяя его сознание. Она появилась из ниоткуда – и, соблазняя его ежедневно, оставалась неприступной, словно скала во время бушующей бури; его челн бился на привязи, так и не окунувшись в ее заветный океан – и он даже не представлял, дозволено ли ему будет испробовать ее соленую воду. Словом, Сэмюэль Стернс, преуспевающий и беззаботный, в одночасье стал человеком, одержимым своей новой подчиненной.

Сьюзан, предпочитающая приходить раньше всех и уходить позже всех, была неким идеалом. Ей было около двадцати, может меньше (она все забывала донести ему документы, да он и не настаивал) – и ее юное тело наверняка ждало любви, чистой и светлой, той, что он точно мог бы ей дать – Сэмюэль, черт побери, знал это! Каждое утро он наблюдал за ней, приподняв жалюзи, вызывал по каждому удобному поводу, улыбался во все свои двадцать девять зуба – но за ее вежливой улыбкой он не видел той щемящей нежности, какую ожидал разглядеть. Не видел отдачи. Думал, что она боится ответить ему – поэтому и был рядом с ней почти всегда – или как минимум неподалеку. Вел себя так, как никогда прежде – знал, что она боится и пытался этот ее страх преодолеть. Про себя решил, что она будет принадлежать лишь ему – и никому кроме, пусть даже весь мир будет претендовать.

Он хотел ее. Хотел трогать руками и ласкать, схватив за шею. Хотел ползать на коленях, облизывая ее пальцы ног, шепча ей на ухо нежности вперемешку с грубостью; ее руки, ее нежные руки представлялись ему руками настоящей лесной богини, недоступные для смертного тела первобытного охотника, каким изредка представлял себя он. Сэмюэль хотел ее всюду – и сакральный шепот его дьявола представлялся ему Ее шепотом, а его рука под одеялом становилась чужой рукой той далекой девушки, что растерянно хлопала глазами, когда у нее что – то не получалось. Синевой ее глаз было пропитано все – его разум, кровать, следы на животе и так далее. Засыпая, он думал о ней – и вместе с рассветом она появлялась вновь, с первым лучом вторгалась в его мысли, дару ему первое утреннее слово, которое он произносил на выдохе; что – то из разряда предсмертного хрипа, что звучал как имя – «Сьюзан».

И это продолжалось уже несколько недель. Никто этого не замечал – только лишь брат подначивал его в привычной для себя манере.

– Сэм, ты все еще думаешь о своей новой девке? Той, из отдела верстки? Ты бы заканчивал, братец, – однажды сказал ему Дэвид Стернс, старший брат и совладелец издательского дома «Стернс». – потому как она того не стоит. Ты стал рассеян.

– Да не думаю я о... ни о ком, черт, Дэвид! Просто не выспался.

– Ты перчишь чай, Сэм. – серьезно сказал Дэвид, решительно взяв его за руку. – А ну прекрати! Тебе тридцать два. Тридцать два! Ты совладелец крупнейшего в Спрингтауне издательского дома. Все, что печатается на бумаге – печатается нами, Сэм. Мы лучшие в Спрингтауне, забыл? Холостые, сытые и довольные. Водишь роскошную тачку, богато одеваешься. И

тут она. Брось, прошу! Найди другую, не эту, тем более эта баба еще молодая. У них, знаешь, ветер.

– ...что?

– Ветер свистит. – Дэвид свистнул, проведя рукой по воздуху, закатив желтоватые глаза. Сравнение было более чем понятное. – Не стоит она этого. Ты можешь получить что угодно от любой, разве нет?

– Да – да, – рассеянно говорил Сэм, заваривая новый кофе. – ты прав, Дэвид, как всегда.

Тем утром вместо Дэвида он видел эту ужасную развратницу, эту Сьюзан, никак не желавшую быть очарованной им. Она стояла там, на кухне, и говорила непристойности, обнажая свой маленький ротик в соблазняющей усмешке. Она стояла перед его лицом, всюду – и это было одним из последствий этого мутящего рассудок наваждения.

Не было ничего такого в том, что он хотел ее – так, как только мужчина может хотеть женщину. В ней была молодость, бьющая струей, пусть и скрытая за стеснением и непреодолимым барьером робости – он знал, что под блузками и юбками эта самая молодость есть; нужно ли говорить, что он до безумия ценил это в женщинах? В ней также была и какая – то загадка, в ее манере держаться, в ее немного скованных жестах и задержках на работе – словно бы она ждала чего – то, словно бы ожидала загадочного почтальона, который принесет ей таинственное письмо. Может, она ждала его, Сэмюэла? Может. Он не знал точно, хоть и силился это знание для себя открыть; но что – то останавливало его в самый последний момент. Зачастую они оставались в издательском доме одни – он, глотая десятую чашку кофе в своем офисе, сокрытом от ее глаз полоской жалюзи, и она – задумчиво перебирающая бумаги, вчитывающаяся в гранки и заказы, устало потирающая свой юный лоб. Она не знала, что он следил – задержав дыхание, не моргая; он не знал, что она тоже ждала – наивно полагая, что именно так ее и вызовут в Клуб достойных шлюх.

Она была для него манией, была она чистым лотосом, сорванным с восточных озер, и его яблоком, упавшим в непопущенном, запрещенном месте; и если бы, если бы хоть на минуту ему представился бы шанс покорить ее – он не раздумывал бы ни секунды. Но что – то всегда его останавливало. Что – то всегда вставало между ними.

Сьюзи Доус, правда, и не думала покоряться. Он тщательно проверил все копии ее документов – родом из Митчфилда, записей с предыдущих мест работы нет. Не жената, не разведена. Образование среднее, семья полная, в полицейских сводках не числилась – и никогда не имела ничего общего с издательским делом. По правде говоря, он и не планировал ее брать – просматривая ее резюме с прикрепленными копиями документов, он был готов их забросить в угол стола, но все же решился пригласить ее на собеседование. А пригласив, не думая, принял ее в штат на полную ставку, что для девушки ее положения значить могло многое. Он – то воображал, что это одолжение будет значить для нее много, что она будет обязана ему и благодарна хотя бы какое-то время – но на свою улыбку он улыбки не получил. Доус приняла это несомненно обнадеживающее известие как нечто должное – задумавшись, вышла, чтобы приступить к работе. Тогда – то, наверное, Сэмюэль и понял, что ему придется с ней трудновато.

Дэвид Стернс же скептически отнесся к новой работнице. Она была довольна симпатична, как, впрочем и глупа; его брат всегда питал к таким особям слабость. Иногда Дэвиду даже казалось, что это существо с грудью, Сьюзан, только и умело, что фальшиво улыбаться и ошибаться в элементарном – как например с шмуцтитлом в январском выпуске «Пророка Спрингс», грозящем обернуться настоящей катастрофой, если бы Леви Барнтгольд не замаял это дело. На том выпуске Дэвид потерял не одну сотню – а Сьюзан, хлопая глазами, извинялась, пока его брат исходил слюнями, придерживая свои вельветовые штаны.

К сожалению, он не мог ее уволить – кадрами занимался исключительно Сэмюэль, слабый и бесхарактерный, но не лишенный того братского обаяния, которое и мешало Дэвиду стать единственным владельцем издательского дома. Они начинали дело вдвоем – и им приходилось

продолжать, даже несмотря на очевидно слабую волю Сэма, на его падкую до девиц натуру и абсолютную мягкотелость во всем.

– Боже, Лиза, почему он такой дурак, – грустно размышлял после секса с одной из своих фавориток Дэвид, вальяжно развалившись в своей части дома. – я не понимаю, правда. Он ничего не хочет, совершенно ничего! Ему лишь бы принимать всяких молоденьких шлюшек на работу – ведь Дэвид все контролирует, Дэвид всегда все контролирует! Он даже не знает, что из – за этой идиотки Мария перерабатывает сверхурочно, не желая потерять часть своих денег – ведь все знают, как я отношусь к задержкам и опозданиям. Причем Мария хоть что – то делает, а эта? Я пару раз заходил на работу за бумагами, картина меня удивила. Сидят, двое, по разным углам. Он в кабинете чуть не плачет, сопли пускает, она читает вчерашние гранки. Зачем? Не понимаю. – Он тяжело вздохнул. – Лучше бы делом занимались. Бесхарактерные, глупые... а мне приходится все контролировать, как всегда! Даже ты знаешь, как тяжело держать все в своих руках, а он... – Дэвид на мгновение скорчил гримасу боли и отвращения. – он не знает – только сидит в своем кабинете, да наблюдает, наблюдает за ней! Ты хоть представляешь?

– Она? – сонно отвечает Лиза, устраиваясь поудобнее на груди Дэвида. – Ты говоришь про новенькую, Сьюзи?

– Про кого же еще? Она ужасна. Сколько ей, семнадцать, или больше? Она еще ребенок, вздумавший обвести нас вокруг пальца! У нее не то чтобы навыков – черт, да у нее даже желания нет верстать наши заказы, верстать! Это же совсем не сложно... не сложно!

– Не придирайся к ней, милый, – ласково прошептала Лиза, сильнее сжимая руку на достоинстве Дэвида. – Когда – то и ты начинал с низов, разве нет?

– Я никогда не был таким бесполезным, – жестко отрезал Дэвид. – даже когда мне было двадцать, я понимал, что к чему. Учился, не боясь ошибиться – не просиживал штаны, как в свои двадцать делал брат. А она... зачем она нам? От нее никакого проку! Она только ходит и улыбается, пока мой идиот – братец пялится на ее зад вместо заключения контракта с Льюисом! А знаешь, как это раздражает? Я... я не могу положиться на него, на нее, на любого другого – только на себя, ведь я сам по себе – издательский дом «Стернсы»! Ты же понимаешь это? Видишь?

Лиза поднялась на локте, улыбнувшись мужчине, которого никогда не любила и вряд ли когда-нибудь смогла бы полюбить. Которого презирала, но в котором нуждалась – женщинам за тридцать выбирать обычно не приходится. Все потому, что каким бы человеком он не был, он был рядом с ней чаще других. Как начальник, как любовник, как теплое подобие гражданского мужа, в свободное время ныряющее в постели других ее коллег. Она смотрела на него, а в глазах ее сквозило счастье – но счастье напускное и ненастоящее; Дэвид Стернс был человеком напыщенным и гордым, глупым и жалким, и отвратительным как любовник – вдвойне. Но он повысил ей зарплату, не особенно нагружал работой, да и его брат принял на работу одну из ее подруг – это слегка окупало плохенький секс и обязанность ее притворства.

В ее возрасте даже такой мужчина был необходим, словно воздух – а этого воздуха обычно не хватает после тридцатого дня рождения. «Так что крепись, Лиза, трогай и целуй – и никогда не жалеешь ни о чем, пока тебя кто – то хочет», – так обычно рассуждала она, бросая голову к его волосатому животу.

– Вижу, милый. – тихо произнесла Лиза, с омерзением опускаясь к его поясу, накрываясь одеялом. Уже оттуда она произнесла тихо, но уверенно, успокоив душу крупнейшего в Спрингтауне полиграфического магната, что в одиночку тянул весь семейный бизнес. – Ты как всегда прав. Всегда и во всем.

А на другом конце города, возле маленького дома по улице Палмоди одиноко стоял черный автомобиль с запотевшими стеклами. Изредка прогревая машину, ее владелец жадно ловил каждое движение в маленьком доме, освещенном фонарным светом да немного сиянием лун и звезд. Переживая и выкуривая сигарету за сигаретой, он заламывал себе руки, прислонял

ладони к лицу, слегка постукивал головой о стекло – но на улицу никак не решался выйти. Он сидел возле Ее дома уже больше часа, так и не решившись на что – то осознанное. Сгрыз четыре ногтя. Выкурил двенадцать сигарет. Досчитал до тысячи, трижды. Спел «Королей и королей», аккомпанируя себе на приборной доске – но не думал о ней, даже бегло оглядываясь на дом, в котором, кажется, она жила. Нет, не кажется – жила точно.

Он не представлял, о чем с ней говорить. Не думал, как ему напросится к ней на чай или же как пригласить ее в кофейню или паб – складывалось такое впечатление, что он боялся ее ответа. Не обязательно это был бы отказ – даже согласие его страшило, ведь Сьюзан Доус была развратной богиней его фантазий, далекой и неприступной – и согласие могло ударить сильнее отказа. Он не понимал, но ее образ мог бы рассыпаться в прах, стоило ей только открыть рот, чтобы сказать банальность – образ богини и дьяволицы, что терзала его по ночам. Он бы мог разрушить колосс ее величия – и что же, от этого ему бы стало лучше? Нет. Неопределенность и смятение царили не только в его сознании, но и в атмосфере подле него; казалось, что он окружен маленьким облачком из обуревавших его страхов и мыслей, что не давали ему выйти наружу. К ней или от нее? Вопрос, достойный детального изучения; только, наверное, не в этот раз.

Телефонный звонок вывел его из оцепенения. Звонил Дэвид.

– Да, привет. Я? Ну, здесь, недалеко. С друзьями сейчас. Я? Я с... с Тони, да. Он шлет тебе привет. Что ты говоришь? Как это – завтра?! Ты уверен? Черт, это плохо. Но, стой... да. Да. Да? Верно, Дэвид, так и сделаем, только вот докум... – Черт, документы Айзека! Их точно не нашли? А где могут? Ладно. Да. Льюису покажем «Бруно»? Семисотый, с тиснением по краю. Как нет? Тогда отпечатаем, ладно уж. Втулки? А что с ними? По сорок должны идти хорошо же! Ладно, разберусь. Но вообще – то это в мои обязанности... да хорошо, хорошо, сделаю, не кричи! Утром все будет, да. Все, дава... что? Молока? А сам не можешь? Черт, ладно. До скорого.

– Вот сука, – пробормотал Сэмюэль, заводя двигатель. Холостые обороты протарахтели, и приборная панель загорелась синим огнем, приглашая Сэмюэля Стернса в путь. Он с тоской поглядел на одиноко освещенную комнату на втором этаже, и добавил. – я вернусь завтра, Сьюзи, кем бы ты там ни была.

Девушка выглянула в окно, услышав шум отъезжающей машины. Номера было не разглядеть – фонарь светил слабо, да и машина к тому же была грязного, ужасно грязного цвета. Отъезжала она прямо от дома, а человек, сидящий в ней, явно кого – то ожидал. Может быть, даже ее. Но она не боялась – она ожидала этого.

Девушка, которая больше не была Аннетой и которая вряд ли уже станет Сьюзан, тяжело вздохнула. Ее начальник, Сэмюэль, грубо попросил ее утром придти пораньше – следовало подготовиться к какой – то крупной сделке с каким – то Льюисом, политиком. Придти нужно обязательно красивой – политик был крупной шишкой. И верстать, как проклятая – возможно, что сам Льюис вместе со своим выводком посетит их издательский дом. Это значило только одно – еще один день закончился, не принеся новых вестей о таинственном Клубе достойных шлюх.

2

Льюис был человеком прямым и в какой – то мере властным – по – видимому в той, что он всегда старался держать все под контролем, будь то процесс химчистки салона или же заключение делового контракта. Он пришел один, чем ужасно удивил как Дэвида, так и Сэма – они – то ожидали целую делегацию! Они никогда раньше его не видели так близко – обычно лишь с трибун или по телевизору; в жизни он производил совершенно иное впечатление. У него было лицо сильного человека – и художавые руки, которыми он запросто мог бы вцепиться в глотку неугодных ему людей. В его лице было что – то звериное, и пусть оно зачастую было растянуто в широченной улыбке – вы бы не увидели, нет, но обязательно бы догадались, что за хищник скрывается от вашего взора. Его глаза были тусклы, а загар блестящ, ногти идеально подстрижены, а брюки выглажены по стрелкам – в то время как за добродушным басом сквозило презрение, а запах его одеколора таил в себе нотки ядов, смертоносных и незаметных для окружающих его жертв.

Льюис хохотал над шуткой Дэвида, деланно вознося руки к голове и покручивая рукой у виска, не забывая закатить глаза. Все работники издательства стояли чуть поодаль, опасливо глядя на новоприбывшего гостя. В Спрингтауне ходили различные слухи про этого человека – кто – то утверждал, что так же он владеет сетью закусочных по всей стране, кто – то – что он связан с криминальными структурами. Для многих Льюис был общественным деятелем, членом городской общины, бескорыстным благотворителем для инвалидов и брошенных детей. Кем же был он прямо сейчас, стоя посреди дома «Стернсов» – оставалось загадкой. Сэмюэль считал его свихнувшимся богачом – к слову, первым богачом Спрингтауна, внезапно захотевшим связаться с крупнейшим издательским домом во всем округе Лоу.

– ... как уморительно, Дэвид, как уморительно! – рокотал он своим басом, обнажая белые зубы. – Очаровательно! И что же еще этот мальчишка натворил?

– Чуть не потерял документы по нашему соглашению, мистер Льюис, – отвечал Дэвид, стараясь отвечать на улыбку улыбкой. Выходило плохо. Сэм видел, что его брат напряжен сильнее обычного. – но не волнуйтесь – Айзек уже отправился в бессрочный отпуск. Неоплачиваемый. Он... он был слишком...

– Молодым? – понимающе улыбнулся Льюис. – Что же, Дэвид, молодость – не порок! Скорее промежуточное состояние от постели с красоткой до постели с капельницей, изредка одобренное хорошей историей, в которую тебя так и тянет попасть. А вот молодых вы увольняете зря, очень даже зря. Иногда именно они делают вещи, достойные истории, вашей или даже моей. Или я не прав?

Дэвид лишь пожал плечами. Сэм видел, как его брат, прежде неумный и держащий все под контролем, теперь мялся и даже немного краснел перед блеском этого человека. И немудрено – о Льюисе ходило с десяток различных историй, говорящих о нем как о человеке жестком, но не лишенном ума. Будучи членом совета, именно он ведал работой с общественностью – и поощрял талантливую молодежь, ту, которая встречалась на его извилистом пути. Он ведал политикой и рекламой, одним помогал укрепиться в обществе, а некоторых подталкивал на самое дно – и взявшись за вас, вы бы никогда не могли точно сказать, чего этот человек от вас хочет. И только поэтому Дэвид, тот самый решительный и деловитый брат Сэма сейчас стоял перед живым спрингтаунским Богом в растерянности и смятении. Только поэтому Дэвиду было нечего ему сказать. Все в помещении «Стернсов» могли сказать уверенно: Коннел Льюис мог дать Дэвиду все – а мог бы и утопить его в собственной крови.

– Ваша компания, нет – издательство – называется «Стернсы», верно? С кем вы ведете свой бизнес? Отец, сын?

– Брат, мистер Льюис, – пытаюсь казаться самоуверенным, бойко ответил Дэвид. Не получилось. – и у нас не бизнес. У нас тут...

– Да, я знаю. Вы правда думаете, что я не стал бы проверять вас? Кто вы, как вы пришли к этому, как вы ваш этот бизнес позиционируете? Слышал, что вы с вашим братом Сэмом называете это «семейным делом». Так? – вперил в Дэвида свои блеклые глаза Льюис, поглядывая на рабочих, стоящих поодаль. И пока пауза обрушилась на Спрингтаун, Сэм заметил, как красноречиво Льюис подмигнул одной из работниц «Стернсов».

– Да, именно так! – с жаром ответил Дэвид. – Мы – это больше чем издательство, мы – семья, которая...

– Которая прогнала от очага своего сына, Дэвид. – холодно закончил за него Льюис. – Вы мне битых полчаса рассказывали, как уволили человека. Только за то, что он потерял бумажки. Знаете, Дэвид, – продолжал он, вперив в совладельца «Стернсов» свой тусклый взгляд. – человеческая жизнь не стоит бумажки. Вы не думали, что для него эта работа может значить все на свете?

– Но... но он же, – начал почему – то оправдываться перед ним Дэвид. Он не понимал, почему и зачем – но это происходило с ним наяву. Человек, который был для него пропуском в светлое будущее, стоял перед ним и отчитывал перед всеми рабочими, не заботясь о его, Дэвида, имидже. Это было странно – но на какое – то время Дэвид просто перестал соображать. Он просто стоял и слушал человека, который мог бы сделать его миллионером, если бы захотел.

– Замолчите. – перебил его жестко Льюис. Посуровев, он продолжал. – бумага не стоит того, чтобы этот паренек недоедал. Чтобы ему было холодно и нечем было платить за жилье. А вы так, раз, – Льюис щелкнул сухими пальцами прямо возле лица Дэвида Стернса. – и подарили ему лишнюю мороку! Скажите, разве что – то изменилось? Разве без тех бумаг кто – то погиб или что? Зачем вы уволили его?

– Он... он должен был...

– Именно! Ничего не изменилось, Дэвид. Слышите вы, все? – обратил свой голос к сотрудникам «Стернсов» Коннел Льюис. – Он просто так уволил бедного паренька! В наизидание или чтобы предостеречь? Может, чтобы показать, что он тут главный? Как думаете? – А потом добавил тише, практически вплотную приблизив свое лицо к лицу Дэвида Стернса. – Вы, возможно, разрушили его жизнь просто так, ни за что. Я не прошу вам этого.

С десяток работников глазели на них, столпившись рядом. Блистательный Льюис и Несчастный Дэвид Стернс стояли рядом, но казалось, что далеко друг от друга. Пожилой уже человек излучал тонны и килоджоули чистой энергии; человек средних лет излучал, скорее, жалость. Бровь Льюиса была поднята, лицо перекошено – и улыбка больше не играла на его лице. Еще миг – и он готов был бы прыгнуть на туповатого братца Сэма, думающего о себе как о главном на этом свете. Каждый напрягся в этом помещении – некоторые ужасались, пытались не открыть от удивления рот. Но накал сошел на нет: улыбка Льюиса вернулась на привычное для нее место, лицо разгладилось, морщина больше не пересекала лоб. Он улыбнулся шире обычного и продолжил:

– Хорошо, хорошо, позже вернемся к этому. Так, но о чем это я..., – деланно дотронулся ладонью до лица, будто бы вспоминая что – то. Жест получился настолько неприкрытым, настолько театральным, что даже Дэвид на секунду удивился, хоть и знал где – то в глубинах своего подсознания, что с Льюисом нужно сохранять полнейшее спокойствие. – Ох, вспомнил! «Стернсы»! Где же ваш поделеньник, где ваш брат, Дэвид? Прячется от меня или же действительно занят? Мне бы очень хотелось познакомиться.

– Он... он у себя. Сэм занимается в основном персоналом – приемом, увольнением, работой с профсоюзом и только. Цехами владею я. Документация – тоже моя обязанность. Я не думаю, что он нужен для подписания...

– Обождите, друг мой, обождите, – остановил его Льюис, подняв ладонь прямо перед носом Дэвида. Сэм похолодел, смотря на эту импровизированную трагедию, что разворачивалась прямо у него перед носом. – пока что речь не идет о заключении контракта. Я здесь решаю, что да как – или вы и об этом забыли? Для начала я желаю познакомиться с обоими братьями, а не с одним, поговорить с коллективом. Желаю оценить вашу работу – ведь мне нужно качество, которое сейчас редко встретишь. Ради контракта я лично пообщаюсь с некоторыми вашими сотрудниками, если позволите. Если, конечно, вы не против – а я очень надеюсь, что нет! Ведь иначе...

– Да, конечно, мистер Льюис, – быстро сказал ему Дэвид, опуская глаза. На душе у Сэма похолодело – брат никогда прежде так не унижался. – мой брат, он... он у себя, вон в том офисе. Я провожу вас, сейчас, только дам приказание...

– Дэвид, вы хотите заключения контракта? – прямо спросил Льюис, резко обернувшись навстречу брату Сэма. – Полностью выполненного с моей стороны? В отношении денежном и моральном, с предоставлением тех услуг и благ, о которых мы говорили ранее? Подряды на «Вестник», станки «Хэм» и финансированием из бюджета, так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.